

К63.5
3-62

М. М. ЗИМИН.

ИЗ ЖИЗНИ КОСТРОМСКИХ САПОЖНИКОВ.

[Бытовые очерки].

Издание Костромского Губотдела Союза
Кожевников. — Кострома, 1924.

шили на прямую колодку. прошивали
шивали ее для крепости.

подошву, как валенцы, потому
делать на гвоздях, гвозди
а высушивали полено на

ИЗ ЖИЗНИ КОСТРОМСКИХ САПОЖНИКОВ.

(ВЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ).

Возникновение и местонахождение сапожного промысла.

Когда возник сапожный промысел в Костромской губернии, в каком месте положил первое свое начало и откуда появился он — об этом без документальных исторических данных узнать трудно.

Несомненно, промысел этот очень старинного происхождения, потому что еще по дозорной книге 1664 года в Костроме было 45 сапожных кропачей ¹⁾, 24 сапожника, 2 сапожных шваря ²⁾, 4 сапожных мастера ³⁾. Других документов мне неизвестно, а потому приходится ограничиться устными рассказами, записанными со слов стариков. Старики говорят по разному. Одни говорят, что, «когда три земли шли на нас (очевидно, имеют ввиду Крымскую кампанию), тогда ище работали на войско». Другие говорят: «издавна занимаемся, деды наши и те работали, и старики-то состарились — не помнят начала сапожного дела, в то время карасину-то не было, сидели с лучиной, горели три свеча, чаду-то што было. Вот, бывало, так укоптишься! Сделася, што твой арап, али труба копчена. Работали и с восковой-то свечей. Ходили друг к другу, сосед к соседу на посиделки, во местах-то веселея было работать, подготовишь подходящую работу и возмешь туда. Бывало, соберемся и болтаем языком-то про всяку всячину и скаски сказывали и песни пели, всево было». «Тибе-бы, — добавляют старики, со стариком, дедушкой Васильем Оленёвым (с. Селище ⁴⁾) поговорить, он бы много порассказал, он все записывал и все время на книгах лежал, (много читал); он недавно помер — избави его господи от муки вечные, — а после ево-то бумагами оклеивали стены, да топерь ничево не уцелело. Маленькие ребяташки все сорвали. Подойдут, тырк пальцем и бросят в печь, так все уничтожилось».

Не по всей губернии сапожный промысел возник одновременно; в одном месте с незапамятных времен, а в других — очень недавно. И появился-то он по разным случайным причинам. Обучались сапожному делу на стороне, на военной службе, от случайно зашедшего сапожника, а то просто самоучкой понаучились.

¹⁾ Кропачь, — починщик обуви.

²⁾ Шварь, — сапожник, работающий у себя в доме или отдельной мастерской.

³⁾ Мастер, — хозяин сапожной мастерской, имсющий наемных.

⁴⁾ С. Селище на другом берегу Волги, жители его почти все как мужчины, так и женщины занимаются сапожным промыслом, «сапожники и башмашники».

30444

202.7
3-62

...ла в некоторых местах существуют любо-
...ад, рассказывали мне сапожники, — в Благове-
...го уезда начался сапожный промысел, и вот как:
...из семи дворов, — жил барин. Он привез из Питера
...осить, а тогда во всей волости не было кожаных сапог.
...у этого сапожника Кучер по имени Руфа, которому он дал «голицы». Руфа их
...смотрел, любовался, интересовался и думал: „А если бы мне научиться шить
...такие голицы, тогда научусь и валенки подшивать“. А в то время подшивкой
...валенков занимались бабы, они подшивали большой иглой. Руфа слышал, что
...где-то в Ветлуге — в городе есть сапожники и подшивают не иглой, а шилом. Кучер
...носил рукавицы 10 лет и все ушивал их иглой. Когда невозможно стало
...носить, он распорол их и стал шить сам по этой форме рукавицы из холста.
...Через несколько времени достал кожу, из нее сделал рукавицы. И так посте-
...пенно, в течении 10 лет научился делать концы, подшивать валенки и
...шить рукавицы. В 1851 году барин сапоги свои изодрал и бросил, а Руфа
...подобрал их, распорол и по этим сапогам стал шить башмаки. Когда он сделал
...башмаки, тогда ушел от барина, как престарелый, и начал шить рукавицы.
...У него были два сына, которые занимались хлебопашеством. Он хотел обучить и
...их шить рукавицы, но они на это не согласились. Он взял из другой деревни —
...Львова, на расстоянии 3-х верст, грязнова «шаталку» ¹⁾ и стал учить его шить
...голицы. Когда научил этого бродягу шить голицы, в это время крепостное право
...пало. Вася Кривой ушел в свою деревню и стал шить голицы и продавать на
...базаре, и мало-по-малу обзавелся хозяйством. Тогда два сына Руфы, Василий
...и Гаврила, видя, что Вася Кривой в жизни поправляется, стали учиться
...у своего отца шить голицы и башмаки; и так до смерти умели шить только
...башмаки и настолько плохо, что едва, едва они были похожи на обувь, а потом
...от них научились сыновья, так, развилось сапожное производство».

А вот другой рассказ, слышанный мною о начале сапожного промысла в
той же местности: „Жил ветлужский сапожник пьяница Петрович. Жил он у
многих и во многих деревнях, то у одного год поживет, то у другого. Тогда
в нашей местности были пильщики, и так как пилить детям пильщиков не под
силу было, они просили Петровича обучать своих детей. Держали его по году,
назначали ему 2 рубля в неделю и кормили его, хозяин давал ему и рубашку.
Таким образом Петрович и обучил многих сапожному ремеслу.“

В Ковернинской волости прежде обувь шилась из простой черной кожи,—
подошвы прошивали варными нитками, почему сапоги и назывались про-
шивными. Колодка на оба сапога была одна—прямая. Сапоги, сшитые на косые
колодки, на которых шьют теперь старики не носили, считали за великий
грех, а тем более на гвоздях, потому что „в таких сабогах скоморохи плясали“.
Не носили старики сапоги и с наклеенными подковами, считая за грех „Кони
кованы бывают, а человек не подходит к животному“.

¹⁾ Шатался, ничего не делал.

В Урене, Варнавинского уезда тоже шили на прямую колодку, прошивали толстой драгвой в палец толщины и просмаливали ее для крепости.

В прежнее время и повсюду-то прошивали подошву, как валенцы, потому что не было деревянных гвоздей. А потом стали делать на гвоздях, гвозди деревянные делали сами из березового полена: сначала высушивали полено на печи, раскальвали его на баклушечки, а из баклушечек делали гвозди. Лет 30—40 тому назад, во многих местах Костромской губ. шили сапоги „с морщной“ „с набором“ от 5 до 9 морщин на голенище. Шили их круглыми, 6 и 8-гранными, сверх морщин лаковые „бураки“. Такие сапоги носили не только взрослые, но и дети. Шили: сапоги с высокими каблуками, тупым носом, боты, полуботы и галоши. Но не всякий умел шить боты, полуботы и галоши. Для купцов шили боты на еноте и сукне, верх обшивали и протрачивали—для красоты. Галоши делали на теплой подкладке, а для весны и лета лаковые, гамбургские, козловые и опойковые. Сапоги с кожаными галошами носили и крестьяне, заказывали они их к женитьбе и носили в праздники. Над некоторыми крестьянами сапожники смеялись: „Сапоги сколошами, а на дворе нет лошади“. Сапоги носили по несколько лет, на каждую пару сапог заказывали две пары галош. С появлением резиновых галош, мода на кожаные галоши пропала. Потом стали шить сапоги „форменные“—с икрами, затем стали появляться в деревне штилеты и другая городская обувь.

Сколько в разные годы было сапожников в Костромской губ. сказать затрудняюсь, но по сведениям Костромского Губстатбюро, в 1920 году сапожников насчитывается:

1) В Костромском уезде	461 чел.	17) В Нерехте	32 чел.
2) » Варнавинском »	431 »	18) » Солигаличе	28 »
3) » Нерехтском »	273 »	19) » Буге	27 »
4) » Галичском	249 »	20) » Кологриве	15 »
5) » Кологривском »	203 »	21) » Варнавине	12 »
6) » Ветлужском	180 »	22) » Чухломе	8 »
7) » Ковернинском »	172 »	В заштатных городах:	
8) » Буйском	172 »	23) В Унже	6 »
9) » Солигаличском »	108 »	24) » Кадые	4 »
10) » Макарьевском »	101 »	25) » Судиславле	4 »
11) » Чухломском	60 »	26) » пос. Больш. Соли	15 »
Кроме того в городах:		27) » пос. Парфеньев	9 »
12) В Костроме	267 »	28) » Шарья	1 »
13) » Макарьево	130 »	А всего:	
14) » Ветлуге	108 »	В уездах	2410
15) » Галиче	92 »	В городах	791
16) » Ковернине	33 »	Итого	3201 ¹⁾

Жизнь учеников.

В прежнее время сапожному делу учились в разном возрасте и при разных условиях, главным образом, в детском возрасте, с 9—12 лет; учились мальчики

¹⁾ В приведенной таблице показаны мужчины, женщины, хозяева с наемными рабочими и без наемных рабочих и помогающие члены семьи и подростки.

и девочки. Девочки учились у своих родителей и в очень редких случаях у чужих, поэтому ученье их протекало вполне сносно. Жизнь учеников—мальчиков была не для всех одинакова; одни учились в своих семействах, «как из школы, так и с батьком роботать»; а то и без школы, с более раннего возраста приучались к сапожным работам. Обучались у родных, а большей частью у чужих одиночек и в общих мастерских в городах и разных селениях. Жизнь учеников очень невесела.

На обучение сапожному делу отдавали своих детей самые бедные люди, городские: портные, кучера, кухарки, прачки, дворники, фабричные, чернорабочие, и из деревень «ближняки», привозили и отдаленные сирот, и «взятышей», «встарину, и барин-крепостник отдавал мальчика через ремесленную управу». Отдавали на срок 3—4 и 5 лет, заключали письменные контракты, перечисляя в них все, что требуется от хозяина при обучении ученика и по окончании учения: неустойку со стороны ученика на случай ухода его до срока. Неустойка со стороны ученика указывалась потому, что крестьянские дети мало доживали до срока, понаучившись немножко они уходили домой и устраивали свою мастерскую. Отдавали в ученье и по устному соглашению. «Помолятся богу, тем и довольствуются». «Тода бога-то боялись, лжи не было»—говорят старики—сапожники. Условия нарушались по разным причинам, а больше в тех случаях, когда ученик нейдет на дело, год продержат и, «если он ничего не занимается», его увольняют. Всякому хотелось устроить к хорошему мастеру, и где поменьше было пьяной заразы, почему и ждали в очереди свободного места, иногда и по несколько месяцев. Отдавали и к заранее намеченному мастеру, и к совершенно случайному. Подойдет отец или мать к окну и спросит: «Ты сапожник?»—«Сапожник».—«Не возьмешь-ли мово мальчика? зделай милость, возьми».—Случалось и так: пойдет родитель к сапожнику заказывать себе обувь и, кстати, договорится о мальчике. А то и сами мальчики поимеют охоту и просятся в сапожники: «Раз как-то был я с отцом в городе,—рассказывал один сапожник—и увидел мальчика, бегущего в грязном фартуке, с полбутылкой в руке, и ест колбасу. Сразу повлекло меня в город, мне захотелось самому жить в городе и научиться шить хорошие сапоги, после этого упробил я отца и пошел учиться сапожному делу».

Родители деревенских учеников уповали на божью помощь в успешном понятии сапожного дела и на заступничество бога, почему перед уходом из дома засвечали масло перед иконой и молились на коленях. Мать благословляла сына нательным крестом и этот крест надевала ему на шею. Много проливалось слез в минуты расставания мальчика с матерью. При оставлении сына у мастера плакала и мать, гладила сына по головке и приговорила: «не плачь, не плачь, сынок, живи батюшко, береги себя, будь умниньким, учись родимый мой, не ленись и не скучай сердешный, слушайся хозяина. Бог даст выучисся и ты будишь хозяином,—по себе роботать. Я скоро приду к тебе». Просила хозяина и подмастерьев поучить сына и быть к нему поспнисходительней.

Материнское сердце нетерпеливо; через недельку или две мать торопится навестить родимого сынка. Придет, принесет ему сдобных колобков, баранок.

молочка, яицек и еще чего-нибудь, ¹⁾ и спросит его: «Ну как, батюшко, привыкаешь-ли?». А сын со слезами бросается к ней: «Ой, мама... Домой, домой, домой!»... И утирает слезы грязными руками. «Живи, живи сынок, обучисся, тогда и придешь. Дядинька тебя на праздник опустит к нам, ты и погуляешь у нас». Видя родимое детище вместо бойкого веселого румяного¹ измученным, погладит мать сына по головке, поцелует в макушечку и спросит: «Егорушко, родненький мой, видно, несладко тебе живется-то. Обижают тебя? Ну што топерь делать, видно, богу так угодно, потерпи, авось он поможет. Как ты похудел, должно-быть больно плохо кормят, морят голодом? Ешь, бедненький, ешь на добро здоровье. И волосенки-то у тебя местами повывернули». Проследится мать, глядя на сына, вытрет слезы фартуком, высморкается в подол платья, крепко поцелует сынка и уйдет домой. Иногда нарочно не приходили матери к сыну, чтобы не растривать себя, и его.

Приходили и отцы навестить сыновей, угощали вином хозяина и подмастерья, которому сдан хозяином в ученье мальчик. Во время угощения отцы просили сапожников: «Покажите мому-то сыну»—«Как же, обязательно научим, доведем до дела». После этого еще срывали на бутылочку. Сапожники частенько опивали родителей учеников; а если долго нейдут к ученику родные, так сами посылали мальчика домой за деньгами на выпивку. Кроме того, родители учеников приносили хозяевам подарочки и приглашали их на праздник. За подарочки хозяева делались снисходительней к ученику, что и не так сделает, сойдет.

Но не все родители одинаково жалели своих детей; бывали очень строгие и жестокие, такие родители при отдаче сына говорили хозяину: «Тебе в руки отдаем, так ты и учи его, не потворствуй, бей не жалей, не давай потачки». А сыну наказывали: «а ты слушай, смотри, што показывают, стегнут-ли тебя, плеснут-ли тебе, жаловаться домой не бегай». После этого, как ни били мальчика, он не бегал жаловаться. Если случайно скажет дома про трудную жизнь, мать вместо сочувствия постучит ему по голове с приговором: «Ты у меня будишь плохо учиться, али жаловаться, я тебя побью ише хуже». И при этом били веревкой. А если про жалобы узнавал хозяин, так совсем беда, еще пуще обозлится. Закричит и затопает «Ты еще жаловаться вздумал! убирайся вон совсем!» и такую даст трепку, что долго потом помнит ее ученик.

Учеников пороли шпандырем²⁾ — «господином учителем», таскали за волосы, били по голове сапогами, колодкой, кулаком, стегали концом, и всем, что только под руку попадало. Много били учеников подмастерья — по пьяному капризу посылали их в лавочку за покупкой на копейку рвани, а там посмеются, бывает, и порвут за волосенки.

Пошлют, бывало, подмастерья мальчика в лавочку, наговорят ему целую кучу: купи махорки, спичек, ситного, на 5 коп., сотку водки, кусок селетки,

¹⁾ Не всегда мальчику приходилось пользоваться всеми гостинцами принесенными матерью. Нередко сапожники выпивали молоко, а кринку разбивали, как будто кто-то нечаянно разбил ее.

²⁾ Шпандырь — узенький ремень кольцом, которым сапожник, тачая, придерживает работу ступней к колену.

печенки, колбасы и проч. и проч., а мальчик или забудет чего или перепутает в количестве покупки, и за это били его. «Меня хозяин бил шпандырем, этого мало, он стал рвать за волосы, рвет, рвет за волосы-то, да и бросит на пол. А я взял да и остригся»,— рассказывал мне Костромской сапожник: «После этого он меня стал таскать за уши. Уши стали болеть, узнала об этом мать моя, стала ругать его, ну он опять стал бить шпандырем. Ох, как больно было. Как-то раз отпустил он мне три раза шпандырем по шее, и сейчас больно. Уж я бы попомнил ему, да он издох».

«Так шибко били шпандырем,— говорили мне сапожники,— что у некоторых мальчиков рубцы не сходили со спины».

Особенно много терпели сироты. Над ними издевались, как только хотелось, потому что жаловаться им некому.

Но не у всех хозяев было плохо и строго, некоторые с первого дня заставляли только сидеть за верстаком, присматриваться к работе и до тех пор, пока он не научится делать концы и строчить опорок, не заставляли его делать никаких хозяйственных работ. Эти хозяева сами вставали раньше учеников, ставили самовар и будили сапожников, а большинство хозяев сразу с первого же дня заставляли учеников выносить помой, чистить картошку, ходить за водой, ставить самовар, колоть дрова и топить печку, подметать мастерскую, будить подмастерьев, опрavlять лампу, разгрeбать снег, ходить на базар с хозяйкой, бегать за вином и закуской, вертеть папироски подмастерьям и закуривать их, выводить пьяных на двор, вытаскивать у них «чичиру», сажать на ватер-клозетную дыру и нянчиться с хозяйскими ребятами.

Бывали случаи, посылают ученика за вином подмастерья, а хозяин не позволяет. В таких случаях положение ученика было весьма тяжелое: не сходишь, от подмастерья рвачка, а сходишь—от хозяина попадет. Вот тут-то и задумаешься, хоть разорвись на части, всем нужно угодить во время. Бывало и еще хуже, пошлет хозяин куда-нибудь, а хозяйка не в духе—кричит: «не ходи куда, сиди дома!» Или пойдут хозяева в город: хозяин даст свою работу, а хозяйка свою, и оба строго накажут: «ты у меня сделай, што говорю, а то я не знаю, что над тобой наделаю.» «Конечно, всего наказанного при всем желании не сделаешь, поэтому и не избавишься от побоев». Некоторые хозяева зимой, посылая куда-нибудь ученика не давали ему валеной обуви, хотя-бы был самый лютый мороз, из-за того, чтобы он поскорее сбегал. Но за хорошее «воженье» с детками, за аккуратную и своевременную выноску помой, хозяйки любили мальчиков. Хозяева очень редко отпускали учеников домой в весенние и осенние праздники, а хозяйки тайком от мужей отпускали их. Бывало, хозяйка скажет: «Погоди уходить-то, вот когда хозяин уснет, тогда и сбегашь, а пока ступай на улицу, погуляй». За это-же во время обеда, первая косточка попадала услужливому мальчику. А уж если не угодишь хозяйке, тогда беда. За плохое нянченье ребенка хозяйки били учеников, чем попало. Вот что рассказал мне 63-х летний старик (Кстовский сапожник 1): Отвезли меня 12 летнего мать и

1) Дер. Кстово, Костромского у., Андреевской вол.

отец в Селище и отдал в ученье на 5 лет. Первое время пришлось учиться у хозяйки: таскать дрова, носить воду и качать люльку.» Ох, мне эта люлька! Вот уж прошло полвека, а люлька часто во сне видится, Хозяин был человек добрый, но хозяй...ка, дай ей бог на том свете самой покачать люльку».

Мало приходилось ученикам спать: они должны были вставать, как только показывалось солнышко, а ложились около 12 и даже 2 часов ночи, когда заканчивались работы, засыпали на шумевшие пьяные подмастерья и утихал неугомонный хозяйский ребенок, а то и всю ночь не спали.

Не каждый день умывались ученики: то некогда, а то утром, чем свет получив пинка от пьяного или мучившегося с похмелья сапожника, который с грозным криком дернет с ученика тряпье, покрывавшее его, вскочит мальчик испуганно и не знает, за что взяты, уж тут не до умыванья. А то и было время да ленились умываться, — «Ладно, и так сойдет».

Над учениками издевались не только днем, но и ночью, даже и над сонными. Мальчик, измучившись за день, ткнется где-нибудь на полу и уснет, а подмастерья начнут озоровать над ним: приклеят клейстером бумажку к его пятке и зажгут, а то свернут гусара, набьют ватой, зажгут и дуют в нос сонному. Один раз (в Костроме) мальчик очумел от этого, соскочил с полу, снял рубашку и бросился в кадку с водой, стоявшей в мастерской, и, вместо заступничества, и от хозяина ему-же попало шпандырем.

Нередко и сами хозяева издевались над сонными учениками, не только пьяные, но и трезвые. В Костроме сапожник П. имел мастерскую, а жена его портниха имела 3—4 чужих девочек—учениц. И вот, когда мальчик после дневной усталости, так крепко уснет, что тащи, куда хочешь, и не услышит он, хозяин возьмет его, стащит в другую комнату, положит к девченке и обольет обоих холодной водой, а на утро смеются над ними.

Ночью плакали ученики от побоев, вспоминая свое свободное житье в деревне.

Настолько невыносимо было житье некоторых учеников, что они, несмотря на наказания и угрозы жестоких родителей, убежали от хозяев и, боясь показаться дома, скрывались где-нибудь в неизвестных им местах, чем беспокоили хозяев, которые из-за боязни ответственности за мальчика справлялись у родителей, не у них-ли он. А мать, как-бы ни была жестока к своему сыну, но при этих случаях приходила к хозяину со слезами и грозно кричала: «Сгною в остроге, если не отыщешь мое кровное дите!»

Некоторые ученики по несколько раз меняли хозяев, не желая поддаться битью. Как только замахнется хозяин или подмастерье, ученик моментом «шмыг» с липки и к другому хозяину и, как только другой хозяин «норовит» взять шпандырь, а мальчика уж нет. Рассказывали, что в Костроме один мальчик пережил у всех костромских хозяев, за что и был прозван Лунатиком.

Конечно, чужие били сильнее, чем свои; свой-то хоть и ударит, но не так больно, как чужой.

Измучившись за неделю, ученики от души радовались праздничку. Как только, ударяет в «колоколо» ко всеночной, так сердечко и запрыгает у них от

радости и удовольствия—«Конец работе». Быстро убирались они в мастерской, выбегали на улицу, прыгали через каждую тумбочку, свистали, кидались камнями, снегом, в ворон, друг в друга и во все, во что вздумается. Наскакивали друг на друга; побьют, бывало, друг друга, одному глаз подшибут, другому нос своротят, а с жалобами не приходили к хозяину, зная, что хозяин не будет разбираться, кто прав и кто виноват, а обоим попадет дополнительно.

В сумерки ученики пользовались маленьким отдыхом; в это время они бегали в другие мастерские к товарищам и сильно баловали, «ровно разбойники». На улице, среди других ребятшек, они выделялись грязными фартуками, черными руками и запачканными лицами. Как-бы ни были строги и предусмотрительны хозяева, все-таки ученики ухитрялись обмануть их. Пойдут «по—воду», увидят играющих мальчиков, поставят ведра и играют с ними. А если хозяин или хозяйка спросит: «почему долго не приходили?» отвечали: «Народу много на водокачке».

Ученики, прожившие год или два, оплачивали подмастерьям за побою. Поведут пьяного по лестнице, втащат на верхнюю ступень, да и спустят вниз: Проваливали их из сеньницы ¹⁾, в отверстие для спуска сена, прямо на корову; сапожники кричат ругаются, а они смеются и убегают.

Обучавшиеся у однодеревенцев ночевали у себя дома, но зато спали беспокойно. «Я заботлив был» — рассказал мне Гилевский сапожник, Нерехтского уезда,—«Все дома спят, а я проснусь». Услышит мать и скажет: «Полежи, полежи сынок, рано-щи итти-то». А я отвечаю: «Нет, пойду». Иду, стучусь, а дедушко выходит и ругается: «Ух ты распр...-мать, спал-бы да спал, мы щи спим, а он идет».

Мало было грамотных учеников, многим из них хотелось научиться грамоте, на их счастье находились сапожники, которые в пьяном виде учили их. Но мало находилось таких сапожников. Чаще ученик оставался неграмотным на всю жизнь. Родители мало помогали детям в деле просвещения. Случалось и так: только возьмет мальчик у себя в доме книжку, в ту же минуту получит от матери или от отца подзатыльник со строгим криком: «брось книжку! ты ведь не студент, тебе не в анхиреи учиться».

Встречались и такие сапожники, которые заботились об обучении детей грамоте, и в пьяном виде не покидала их мысль об этом. В Костроме Е. придет, бывало, пьяный домой часов в 11 ночи, разбудит детей, возьмет книгу и спрашивает по ней, кто не ответит, того ругал и порол ремнем.

Ученики лишены были удовольствия петь песни в мастерской, запрещалось, потому что «и так-то дела не знают, а за песнями совсем испортят работу, да, пожалуй, забудут, что и делают».

Не позволяли хозяева ученикам и курить. Но они украдкой покуривали. Сапожники имели привычку свертывать цыгарку на два раза; покулив немного, положат окурочек за ухо, а то оставят его на верстаке и закроют молотком, а ученики и утащат. За это часто пороли учеников. Был такой случай. Ученики высыпали табак из приготовленной папиросы сапожника и насыпали в нее по-

¹⁾ „Сеньница“—сеновал.

роху, думая, что эта папироска попадет сапожнику, которому они хотели отомстить за побои, а вышло иначе, закурил ее взрослый ученик, родня хозяину, и опалил себе усы и брови. За это отстегал его хозяин шпандырем, как следует.

Наказывали хозяева учеников и за воровство и не только за украденное у хозяина и вообще в мастерской, но даже и на воле. «В Костроме, говорили мне сапожники, один хозяин послал ученика по делу к одному человеку, а он по дороге увидал в саду яблоки, влез на яблоню и сорвал несколько штук. Дело потом разузналось, за это послали ученика к хозяину сада за поркой, никак нельзя было избавиться от этого и ученику пришлось сходить за ней».

Молодость брала свое. При удобном случае ученики знакомились и с девочками; но, как только заметит хозяин, строго скажет: «Сначала нужно научиться работать, а потом и о Маврухе думать».

Ученики на втором году учения чувствовали себя лучше и спокойнее, как привыкшие и освоившиеся с некоторыми работами, и после положенного «урока», в ночь на праздник и в праздники работали «на себя», чинили обувь. А толковый мальчик был счастливее других, его посылали с готовой обувью к заказчику за расчетом, потому что он мог повежливее обойтись с заказчиком и, если окажутся сапоги велики, сказать: «Ничего, лучше ногу не трет, стелечку можно вложить, носочки или чулочки наденете, и будут в самый раз, да они еще сядут как раз по ноге, тогда и будет хорошо». А если окажутся малы, скажет: «Ничего не малы, растопчутся. Ах — ты, я и забыл, что мне хозяин велел тальки посыпать, сейчас, сию минуточку, обождите пожалуйста». Моментом достанет ножичком из бумажки пудру, посыплет в сапоги, просит надеть сапоги, и действительно нога легко влезает, а мальчик получает за это на чай 5 и 10 коп. За старание в работе, и хозяева давали в праздник по 10, 15 и 20 к.; иногда и подмастерья давали за беготню за водкой. Заработанные денежки и полученные на чай ученики клали на книжку в сберегательную кассу, «что-бы побольше выросли». На эти деньги гуляли в праздники, — ходили в трактир чай пить и потихонечку, нет-нет, да и кутнут.

Приучали мальчиков к вину подмастерья, нальют рюмку и принуждают пить: «Пей; если не выпьешь, тогда попробуешь задника от правила»¹⁾, приучали к вину даже некоторые хозяева. «Жил я у Селицкого сапожника. Пойдет хозяин в кабак и миня с собой позовет: «Идем, Васька!» Подает мне в руку рукав своего пальто и скажет: «веди», я поведу его, а он нарочно упирается и кричит на всю улицу: «Посмотрите, братцы, что Васька делает, я не хочу идти в кабак, а он миня тащит за рукав, да как тащит-то, смотрите, смотрите! Того гляди, што рукав-от совсем оторвет». И проказил же, бывало, дай ему бог царство небесное. Придет в кабак, подойдет к буфету, требует за 5 и 3 копейки перцовки. Целовальник знает, што для проказу надо-мной, и наливает в мой стакан сладкова вина. Тогда хозяин говорит мне: «Пей, Васька», я захнычу и говорю «Да я, дядинька, не хочу» «Как не хошь! — а зачем миня тащил. А пошто

¹⁾ Правила — деревянные ноги, на которых расправляют сапоги и голенища.

тащил-то, скажи-ты мне? Смотрите братцы, рукав напрочь оторвал, да говорит, не хочу»... Целовальник мигнет мне: «Пей-де, не бойся». Тогда я выпью и не поморщусь, а еще похвалю. Ну тогда мой хозяин закричит на весь кабак. «Ай-да Васька! молодец Васька! Смотрите, братцы, и не морщится. Ну, Васька, вижу, што ты будишь настоящий сапожник».

Одежду и обувь ученики из деревни, да и городские, носили свою. «Во что оденут родные, в том и ходят». А сиротам покупали хозяева за свой счет давали стирать прачкам за свой счет или стирали им их матери и родные.

В будни ученики старались одеваться во все черное, а в праздники надевали чистую, цветную, преимущественно красную рубашку.

Крестьянские мальчики приносили с собой постель и подушку, но спали на них большей частью подмастерья, за полным отсутствием собственных, а мальчики спали, на чем придется и где попало: на кухне под столом, на прилавке, или на какой-нибудь лавочке.

Харчи для учеников были хозяйские. Кормили мясным в скоромные дни, а в постные постным. Там, где были небольшие мастерские и не так богаты хозяева, ученики обедали вместе с хозяевами и подмастерьями, в больших мастерских подавали им обед на верстак даже отдельно от подмастерьев.

Не освобождался ученик от побоев и за обедом. Всем известно, что в артелях и больших семьях едят из общей посуды и, когда хлебают щи с мясом, то сразу мяса не берут, и даже случайно попавшее в ложку опускают обратно. Щи подливают несколько раз, смотря по аппетиту обедающих; потом уже, когда замечается насыщение щами, хозяин стукнет ложкой по посуде и скажет: «Ну, таскайте с мясом!». «Раз за обедом—рассказывал мне один сапожник,—я забылся и опустил ложку на дно чашки раньше времени. Мастер заметил это и так сильно ударил мне ложкой по лбу, что ложка разлетелась на части; мне очень обидно показалось, схватил я нож и хотел его ножом, тогда меня вытащили из-за стола и не дали есть».

В Костроме один хозяин был очень строг не только к ученикам, но и к своим детям. За обедом не позволял смеяться и разговаривать, кто усмехнется того моментально выгонял из-за стола.

Чай ученики пили и вместе с мастерами, и после их. Строго соблюдались посты; в среду, и пятницу еженедельно ученики ели постную пищу; а в великий пост у некоторых хозяев даже постного масла не попадало ученикам, кроме благоушения и вербного воскресенья.

На первой неделе великого поста ученики «говели» вместе с хозяином; в первый год все расходы по говенью принимал хозяин на себя, а на второй год ученики говели на свои заработки. В праздники: Рождество и Пасху разговлялись за одним столом с хозяевами, а то и ждали разговения в мастерской.

В Костроме во время болезни ученики лечились в больнице при ремесленной управе за ее счет, а проболевшее время надживали сверх обусловленного срока.

Закончив 3—5 летнее ученье — мученье, ученики, выходили «из стежников»

в „езеля“¹⁾), в подмастерья. В день окончания ученья или из первого жалованья ученики ставили «литки» — «спрыски», угощая подмастерьев вином, а мальчиков яблоками или конфетами. Тут не избавишься от расхода. Подмастерья не упустят этого случая. «Мы тебя научили, как следует — говорили они — куда хочь иди, визде примут, так за это ты должен нас поподчивать.»

По окончанию срока учения хозяева давали ученикам согласно договора: тройку²⁾, пальто, красную рубаху, кожанного товару на простые сапоги и награждали деньгами. Из полученной кожи сами шили себе сапоги; когда приходили или приезжали в них домой, то матери встречали их с радостью и ласково спрашивали: «Милый мой Ваня, неужели это твои ручки сработали?».

Городские, ученики; по выходе из учения, оставались работать, так сказать «надживать» у этого же хозяина по 2—3 недели и даже по несколько месяцев на особых условиях, а потом, укрепившись в работе, оставались у этого хозяина или уходили к другому. А деревенские уходили в деревню — на свою волю.

При работе рядышком вышедшие из ученья напоминали подмастерьям: «Помнишь, как ты меня дул? я насилу вытерпел». А сапожники отвечали: «И нас били, в этом-то вся и наука наша заключается, без битья-то и не выучисся».

Вспоминая ученические годы сапожники поют:

«Был курс науки не мудрен,
Все убирай, ходи за водкой,
Со всех сторон толчки, щелчки,
Ремнем, колодкой».

Некоторые сапожники вспоминают своих хозяев добром: «Семь лет жил я у хозяина, отца у меня не было, он был за место отца роднова, обучил меня, спасибо ему» — говорил мне костромской сапожник.

Жизнь подмастерьев.³⁾

Как только начнет капать с крыш и до заморозков (октябрь-ноябрь) сапожник живет сносно. В это время к сапожнику начинают бегать хозяева на дом, угощают вином, просят «сделать милость» — сшить хоть парочки-две поскорей. «Уж больно нужно, бери, что хочешь, только поработай». Дают денег вперед. «Одним словом ухаживают за сапожником как жених за невестой». Вполне оправдывается поговорка. «Пришел май, — хозяин денег дай, будет осенью грязь, — будет и сапожник князь». Обычно сапожник работает сдельно, и хозяева сманивают сапожника друг от друга повышением цены за работу, подпаивают их через своих мастеров, а то и сами встретятся или пройдут мимо мастерской, мотнут головой, выманят сапожника за ворота и сговорятся с ним. После этого сапожник вбегает в мастерскую и тихонечко, схватит шапку в охапку и, айда к другому хозяину. Убегали и босые.

¹⁾ Искаженное название подмастерья на немецком языке *geselle* — гезелле.

²⁾ Костюм.

³⁾ Подмастерьями называются сапожники, работающие у хозяев и на хозяев.

Случалось, не добежит до хозяина, с которым сговорился, озябнут ноги, остановится у хозяина, который живет поближе, поживет немножко у него и шагает дальше. А то надумает сапожник уйти в деревню для вытрезвления, найдет в помойной яме брошенные опорки, чаденет их на ноги и в одной рубашке, подпоясавшись веревкой, в трескучий мороз бежит, куда задумал. Добежит до бани, наберет «омяля» (льна), набьет его в рубашку и катит верст пятнадцать, как нахлыстанный. В деревне увидит его хозяин и спросит: «Отколь и куда тебя бог несет?» Иду к тебе поработать. «Э, милый я кончил уж два года. Чай, озяб, войди обогрейся. Баба наложи ему шей». Обогреет—накормит и направит к другому хозяину. Поживет там сапожник немножко, приоденется и «прошай»—опять возвращается в город в веселую компанию.

В деревне в сезонное время заходили хозяева к сапожнику и на дом и спрашивали «Ты, Ванюха, на ково работашь?»—«На Степана Петрова»—«А почем?»—«По рублю с пары»—«Перейди ко мне я тебя облагодворю и я дам е эстыль, даже боле на 10—15 коп.» Сапожник соглашается. Из-за этого хозяева покосятся друг на друга, а иногда и поругаются между собою. Но как-бы то ни было, всетаки защищают интересы друг друга в том случае, когда сапожник уйдет и останется должен первому. Даже и не принимали к себе сапожника, пока он не заработает долг, или же сами хозяева удерживали долги из заработка сапожника и передавали кредитору.

Весной и осенью сапожник весел, он везде найдет работу и где угодно его примут. «Высока наша марка весной и осенью», говорят сапожники.

Хозяева в горячее время, нуждаясь в рабочих, особенно беспокоились, когда постоянные их мастера почему-либо не приходили за работой, спрашивали других: «Почему Ванюха-то нейдет, разве хворает?» Наказывали, чтобы он пришел. А когда приходил сапожник, хозяин встречал его ласково, задабривал чаем и вином, давал денег вперед. Особенно ласков бывал хозяин после хорошей выручки.

Крестьяне, зная что на базар шьют на «квивульку» и желая приобрести обувь лучшего качества, приезжают на дом к сапожнику, привозят свой товар или заказывают из товара сапожника, а в уплату привозят продовольствия, уплачивают даже вперед и просят «сделать получче, покрепче и поскорей». «Ладно, што некрасиво, было бы крепко, это мне, да дочери, она у нас не барыня». Сапожник всегда умеет ответить шуткой: «Ну чего говорить, не задолю (не задержу), сделаю хорошо, разлюбуюсь и так прочно, что упадешь с самой высокой горы, сам разобьешься вдребезги, а сапогам ничего не сделается, в моих сапогах прыгай хоть с колокольны Ивана великова и то ничево не сделается, с ручательством, что износу не будет». «Уж мы знаем как угодить, слава богу, ни тебе первому, кому только не шили, все благодарят и довольны остаются. А ты не больно зря-то в грязь хорошую обувь носи, постоянно-то носить какую хошь, надолго-ли хватит?» А иногда сапожники и отказываются от работы. «Подумай сам, голубчик мой, как я тебе могу шить, когда по горло завален

заказами», чем вызывает огорчение у заказчиков». Поневоле оденешь лапти, когда нет сапог—говорят крестьяне.

Случается, долго не шьет сапожник, измучает обещаниями заказчика: «Скоро сделаю, приди через недельку или две. Обязательно будут готовы, уж затянуты на колодке». Ругаются мужики, а больше бабы. «Пфу, пьянчушка, взял задаток, сулился скоро сделать а и щас не шшил, только затягиват, нынче да завтра».*

Старались сапожники потрафить чиновному заказчику как в работе, так и во времени, чтобы получить от него на чаек. А крестьянину хоть и не потрафил, так тот только поругается и погрозит: «Мало в рожу-то наплевать, а взял-бы сабог, да сабогом-то по рылу, тода не станет портит товар», а сам ничего и не сделает сапожнику. Да сапожник легко сумеет уговорить его: «А ты не ругайся, а сначала выслушай, это вот почему так вышло, милый мой: колодки никуда негодятся—поизбились, да и товар-то плох, из хорошева товара и шить-то хорошо, а это разе товар, посмотри-ка он сейчас рвется, затягиваешь, а он рвется. Ты думаеш, я на твой товар польстился? спаси бог. Я не как Ванюха, вот он такой человек, что мимо говна не может пройти без намордника—укусит жулик он, дядю роднова опутал; а я стараюсь поставить свое, а не толь-што взять чужое».

В горячее время сапожник работает без разгибу спины, чуть не круглые сутки. «Часов-то нету, а вот трое кочетов пропоют, тода и спать ложимся». Особенная спешка бывает перед Пасхой, тогда работают ночи по две «на скрозняки», работают и до светлой заутрени. «Как только заблаговестят, так и снимаешь фартук». Вот почему сапожники и пели такие песенки:

Хорошо нам братцы жить,	Зато любит нас хозяин
Сапожникам молодым,	И на водочку дает.
И ребятам холостым,	—
И подмастерьям удалым,	Где спешка, ночь, не спать в привычку.
Только та наша беда,	А чуть свихнулся, гол и бос,
Сидим ночи завсегда	Весь измотаешься до нитки,
До двенадцати часов,	Вернешься—черт тебя нужнее,
По утро рано встаем,	Вон!.. собирай свои пожитки..
Мы работушку берем.	

Проходит сезон, наступает октябрь, полетят белые мухи, и сердечко екнет у сапожников. Пропадает прежняя веселость и радость у них. «Ну, теперь сожмут нас хозяева в кулак. Не дыши». Особенно падают духом те, которым выдти не в чем. И действительно, сразу меняется отношение к ним хозяев и крестьян. Забывается обиталище сапожников, и изредка кто случайно забредет к ним из соседей, покурить и потолковать от безделья.

Зимой вдеревне, приходит сапожник к хозяину за работой. Хозяин заставляет его дров поколоть, снег расгрести у дома, ругается, что не вовремя пришел. «Я чай еще не пил, а тебя черт-то уж принес». А то сидит, бывало, сапожник по нескольку часов на кухне у порога или на улице, дрожа от мороза и пронизывающего ветра, а хозяин выйдет закричит: «Как зима, так ходят и надоедают,

просят работу, а как весна придет, ни одного черта не найдешь» и скажет: «Подожди эту недельку». И так проходит неделя за неделей,—принесет сапожник работу, хозяин придирается. То не так, это не этак, мало просушены. Прижимает в цене и не охотно и долго не отдает за работу. Случалось, сапожник зарабатывает больше, чем в предыдущие недели, а хозяин излишек не выдает и даже с выговором: «По те недели зарабатывал столь, а топерь почему-то боле?» Хотя и хорошо знает, что мастер работал усиленно, не спал ночи. Махнет рукой сапожник и скажет: «бог с тобой, богатей, моими крохами»... И уйдет со слезами на глазах.

Иногда сапожнику за работу приходилось получать не деньгами, а мануфактурой и разными продуктами—мукой, крупой, чаем и сахаром, невысокого качества, по повышенной цене с недомером и недовесом. Такое положение сапожника и заставляло говорить: «Пришел октябрь, хозяин по шее тяп». Попросишь: «Дай хозяин, хоть на чай,—смерть озябли, так и то оговорит»: «Ах, ребята, ребята, и на чай-то не имеется у вас». И с большой неохотой дает немного денег. Потом, конечно, удержит из заработка, да еще и примажет.

По степени достатка сапожников можно разбить на три группы. 1) Настоящие пролетарии, не имеющие определенного местожительства, ни кола, ни двора. Эти сапожники вечно болтаются по хозаевам, работают у них в мастерских и живут исключительно сапожным заработком. 2) Малоземельные крестьяне, работают из хозяйского материала у себя на дому или в мастерских у хозяев в своей или ближайшей деревне, у них с хозяевами «годовая ряда» с 14 сентября, но большей частью с 1 октября, по 1 октября, обуславливаются в цене и кроме того в придачу—бесплатно: сапожнику на одну пару сапог лаковых, его жене и дочери по паре ботинок, сыну сапоги простые и подметок 3—5 пар. В течении года получает деньги в счет заработка, а полный расчет производится по окончании года (1 октября—Покров) или-же два раза в год. Но случалось, переряживались в течении года. 3) Крестьяне, работающие по своей воле, так называемые «матраханьы». Работают они и на хозяев, но только у себя на дому. Некоторые из них сами вырабатывают и кожу ¹⁾ и из ней шьют обувь.

Хозяева общих мастерских в городе, были разные, — одни ничего, хотя и не нуждались в подмастерьях зимой, в так называемое «глухое время», но делали все честь-честью, не глумились над ними, а другие всячески «измывались»—придирались ко всяким пустякам. Ходит, бывало, хозяин по мастерской не веселый и ворчит: «Плохо работаете, вовсе плохо. Долго—то не сидите, красин зря не жгите, дров—в печь невного кладите, жарче кутайте». Тяжело вздыхает приговаривает: «На улице мороз, а денежки тают, вот и живи, как хошь». А то войдет в мастерскую, выпивши, увидит в окно воробья и спрашивает сапожника «Горюшко! что по дороге скачет?»—«Воробей»— «Нет, ворона?»—«Нет воробей!»—«Ах... ты щи спорить начинаешь с хозяином! сейчас-же убирайся от меня, работы нету для тебя, и с хлеба долой». А куда пойдет сапожник, разутый

¹⁾ В Варнавинском уезде.

и раздетый? Поневоле начнет умолять хозяина оставить хотя бы из-за хлеба, а уволенный пойдет и запоет:

«Я с хозяином рашелся, Всю дорожкунку проплакал,
Ничего мне не пришлось, Об расчете тосковал».

Случалось и так, зимой часов в 12 ночи сапожники лягут спать, кто на голом полу, кто на лавках. под голову положат полено, покроются фартуком. Войдет хозяин, откроет дверь, поставит липку на липку, влезет на верхнюю и кричит оттуда: «Тип! Тип!»... как будто зовет кур клевать мороженных тараканов. Сапожники от крика и от холода моментально вскакивают, а хозяин смеется от удовольствия: «Кажется, жарко тут у вас, я хочу освежить». В таких-то, вот, вполне зависимых от хозяина условиях жили сапожники, с октября по март.

В селах и деревнях сапожники были предоставлены сами себе и полному произволу хозяев. А в Костроме споры хозяев с подмастерьями решала ремесленная управа. Хозяин жаловался, что «мастер ушел к другому хозяину, без расчета и остался в долгу». А подмастерья жаловались на хозяина, что он не платит за работу. Управа вызывала их повестками и предлагала мастеру «остаться у хозяина и заработать долг», а хозяину «уплатить за работу». Помирившиеся шли в трактир, выпивали, дрались и попадали в участок; на большую помощь от управы не рассчитывали подмастерья и всегда упрекали ее. «Ну какая это управа, то и дело ходят в трактир и едят пироги».

Прежде существовала товарищеская помощь между сапожниками. Отдавали они последний кусок хлеба и последний рванный пиджак своему несчастному безработному товарищу и всячески старались пристроить его на работу. В пьяном виде делились не только со своими, но со всяким бедняком всем, чем только было можно. Были и плохие товарищи, «ябедники» — любители передавать хозяевам все мелочи о жизни сапожников. Хозяева любили их и потихоньку от других прикармливали и угощали их водочкой, но товарищи ненавидели таких людей и во время совместной выпивки и при встрече поколачивали их.

У сапожников, особенно у пьяных, было сострадание не только к своим товарищам, но и к животным, увидят на улице озябнувшую собаку, всеми силами стараются заманить ее в мастерскую, обогреть и накормить.

Зимой в некоторых местах деревенские сапожники на заработки уходили в другие деревни, где нет сапожников, верст за 40—45 и дальше. Под каждым окошком кричали: «Ей, хозяин, нет ли сапогов подшивать и новые шить!»... Если найдется работа, сапожник заходит в дом, молится богу, здоровается с хозяевами и садится на указанное место, раскладывает свой инструмент и работает с «божьей помощью». А что-бы подольше протянуть работу, рассказывает старухам о китах, на которых стоит земля, об Афонской горе, про которую он сам слышал от странника, ходившего туда со стеклянной тростью, который видел там неугасимую лампаду на могиле неокрещенных детей. И много-много расскажет кой-чего. За эти рассказы старухи сытно кормят и никогда не торопят в работе. «Одну пару трое суток подшивали и то ни слова не скажут». И так иной сапожник понравится, что при уходе жалеют и после долго вспоминают добром, как человека внесшего новое в их скучную однообразную жизнь.

Иногда приклеится сапожник в одной деревушке и живет всю зиму, а то такая бывала неудача, что оббегает несколько деревень и не находит работы. И невольно приходилось просить «Христа ради кусочек».

С великого «говенья», как только начинает притаивать, сапожники оживают. Особенно радуются они, когда прилетит грач. Увидя его, они кричат: «Смотрите, что бог дает!» Любуются им, и много нежных слов наговорят грачу: «Ишь ты, как устал, набил крылышки-то, отошал, ножки-то озябли, милый мой», «Кхе!... кхе!... да ты и пятальгинный в носу принес!» Кидают ему корму. Или увидит сапожник вытаюющую в поле кочку, показывает пальцем и кричит: «Вон наш хозяин вытаял!» А другой показывает на другую и еще громче и веселее кричит: «Ну, друзья, теперь можно итти и к кочке порядиться». При этом появляется смелость разговаривать с хозяином о надбавке за работу и в отместку за зимние издевательства кричат ему: «Хозяин! гляди-ко грачи прилетели да и гуси летят!» — «Нет это, не гуси, а долгараки» — «А не гуси, так давай рашет!» — «Ладно, ладно, гуси так гуси, пойдем-те-ка в трактир чайку попить» — «Што нам чай-то, в чаю-то больно мало толку, одна вода». «Ну идем-те, идем-те, знаю кому чево надо» — В трактире угощает простым вином и приговаривает: — «Кушайте Смирновское». «Нет, это не Смирновское, больно плохо». — Ну вы на самом деле больно зазнались, давай вам прибавы, пои вином и все не довольны». Напоит хозяин сапожников вином и пивом и накормит «до отвалу» и прибавит 5, 10 и 15 коп. на пару, но прибавит с таким расчетом, что бы цена была не выше других и не ниже, чтобы сапожники не ушли к другим хозяевам. А сапожники после этой попойки всю неделю рот польщут на свои трудовые.

Работающие в общих мастерских жили на хозяйских харчах. В зимнее время хозяева кормили сапожников по разному, одни ничего, а другие кормили, как собак, варили щи с хлебными корками, вместо мяса. За обедом некоторые хозяева только и заботились о себе, особенно, если была жадная хозяйка. Чтобы накормить хозяина досыта, она заранее приглашала его на кухню крошить мясо, а за резкой мяса они подзакусывали, а за обедом хозяйка, то и дело спрашивает хозяина: «Хочешь-ли еще»? Если он скажет: «Нет, не хочу», тогда вставай и вылезай все из-за стола, ни за что не даст, хотя-бы и голодные все были.

Сапожники, хотя и не особенно взыскательны на пищу, как говорят, частенько в летнее время ели солонину с червяками, но все-таки случалось, что из-за плохой кормешки уходили от одного к другому хозяину, а иногда умели и подшутить над плохой пищей. Как-то зимой в Костроме в мастерской у С. подали сапожникам «варева» — с плохим мясом. Хлебнули по ложке, — совсем не годится. И решили отпороть эти щи шпандырем, так хлестали, что чашку разбили и щи расплескали по всей мастерской. Об этом быстро разнеслось по всему городу. Подобный случай был в селе Сидоровском у П., подали картошку с салом, а сало-то с душком и потащили плошку с картошкой на веревке топить в реку.

Обедали сапожники не подолгу, минут десять, ну «от силы» полчаса, и сразу же принимались за работу. Некоторые из них имели привычку соснуть

немного после обеда. Заснет сапожник на минуточку, вскочит, потрет глаза пальцами или разка два помочит их холодной водой, потянется, позевает и опять садится на липку.

Полукрестьяне и крестьяне сапожники находят удобным работать у себя в доме, потому что в урывках они могут кое-что и по дому поделывать, да кто-нибудь и из семьи поможет им. И правда, частенько можно видеть их окруженными почти всей семьей. Жена тачает голенища, а дети-подростки приготавливают концы, 3-х—4-х летние ребятки и те привыкают к работе. Они «лижут» старый сапог или башмак, из лоскутков шьют чего-нибудь. «Так не так, а ковыряют». Ломают шилья об камень и вытупляют ножи об гвозди в верстаке. Оттаскивают их от верстака, а они надоедливо лезут к отцу.

Некоторые и женщины хорошо шьют обувь, но всетаки нет такой аккуратности и прочности в работе, как у мужчин. «У них ляжки мягки да толсты, поэтому они и не могут крепко затянуть»—с шуткой говорят сапожники. Но на башмаки женщины способнее мужчин.

Крестьяне—сапожники работают, где придется, в особо устроенных «шварнях», в передней, на кухне и в другом месте, лишь бы было окошечко. Сядет на липку, ¹⁾ на сундук, в котором у него находится коженый товар, или на что придется, наденет фартук, ²⁾ растегнет ворот рубашки, засучит рукава по локоть, на взерошенные волосы наденет «наголовыш» (узенький ремешок), чтобы волосы не свалились на глаза, на ноги оденет опорыши или валенки, чтобы не обрезать ноги стеклами и не ушибить молотком, а вечером прикнется где-нибудь при тусклом свете маленькой висячей лампочки с закопченным стеклом, огаженным мухами, с отбитым верхом, с железным зонтом и с наклеенными на нем клочками бумаги, чтобы не резало глаза. От усиленной работы, бессонных ночей, плохого света, чрезмерного употребления спиртных напитков у сапожников «глаза выглядываются», болят глаза, и портится зрение, и многие из них во время работ надевают очки.

30444 Пролетарии работают в городе и в больших селениях в хозяйских мастерских—в темном сыром подвале или во дворе.

В некоторых селах и деревнях есть мастерские размером 6×6 или 7×7 арш., бревенчатые с поломанными рамами, разбитыми стеклами, заткнутыми тряпками, заклеенными бумагой или заколоченными досками, а в них, сзади или с боку, приделаны досчатые сени «для увала», которые всегда завалены сплошь: битыми колодками, разным мусором, и обрезками негодной кожи; тут и береста, и лубок, деготь, вар и вообще все, что требуется в сапожном деле. Иногда так много бывает навалено, что даже очень осторожному человеку невозможно пройти, не нагнувши голову, чтобы не удариться о низкий потолок, или не запачкать костюм. В мастерских встречаются итальянские окна, против которых стоят

¹⁾ Липка—низенькая липовая кадочка, обшитая сверху кожей.

²⁾ Лет с десяток тому назад селищкие (из с. Селища) сапожники носили фартуки с вышитыми цветными узорами подолами. Вышивали им невесты в приданное, а в особенности молодые жены.

аршина в 2 длиной и в 1 аршин ширины верстаки, за которыми сидят 3 и больше сапожника. За самый верстак, так называемый «стычек», сажали похуже мастеров и мальчиков, а хорошие мастера сидели по бокам. Внутри мастерской очень низко, в переднем углу икона, перед которой на праздники «жгли масло» сам хозяин или религиозные сапожники; рядом с иконами лубочные картины разного содержания. У входа, кругом стен приколочены брусья, за которые затыкают колодки и правилья. Сбоку или посредине печки, у двери стоят кадки с водой и банка или плошка с дегтем. У двери к косяку прибит палочка для смольника или варника, тут и тряпки, пропитанные варом, а пониже гвоздь, за который задевают конец во время наварки. На верстаке постоянно навалено столько материала, что некоторые могут подумать, что эта груда мусора: тут гвозди деревянные и железные, клещи, колодки, ножи, шилья, отводки, муфеля, рашпили, бруски, подпилки, плошки с клестером, банки с сажей, с драганом, с клеем, лак, воск, лоскут, береста, махорка, битые мелкие стекла и чего—чего только нет. В мастерских накурено, наплевано. Зимой на стеклах оконных рам лед, и дует ветер в пол, или так бывает натоплена железка, что дышать тяжело, и открываются двери для охлаждения.

Привыкшие работать в общих мастерских скучают при работе в одиночку, потому что в общих мастерских веселей: «один-то со скуки пропадешь». И верно, в общих мастерских много можно услышать и увидеть любопытного. Здесь рассказывают побродившие по свету божьему про свои странствования и приключения. Некоторых очень интересно послушать, в особенности тех, которые по несколько раз побывали в Питере и Москве и других городах, но ни разу не ездили по железной дороге, — все ходили пешком, а к дому подезжали на паре, даже на тройке лошадей, на средства, полученные от родителей или жен; приходили домой и пешком. Пешеходство свое отмечали такой песенкой:

Жил в Москве я мальчик, баловался,
«По трактирам кабакам шатался,
Привелось домой пешком идти.
Шол с Москвы я, палкой подпирался,
Каждый кустик надо-мной смеялся:
Чей-то пьяница с Москвы идет?
Подхожу я близко к дому,
Идет маменька из дому.

«Вон с Москвы сынок идет,
Много денежек несет.
Уж ты, сын, ты мой, сыночек,
Покажи свой кошелечик,
Давай денежки считать».
«Трое жуликов, мама, напали,
Кошелек с деньгам отняли,
Привелось пешком к тебе придти»

Во время работ сапожники рассказывали и сказки, например, такую:

«В одном торговом селе жил поп. Дом у него был двухэтажный. Вверху помещался он со своей семьей, а внизу сапожник. Попу сделалось завидно на сапожника, что он хорошо добывает. Вот посоветывался поп с своей маткой и выслал сапожника с квартиры, а сам поместился жить в его квартире и вывесил вывеску: «Сапожный мастер». Шел в одно время господин, у которого сапоги были худые и смотрит—вывеска «Сапожный мастер», заходит спрашивает: «Мастер дома?» — Попадья отвечает: «Мастера дома нет; когда мастера нет, заказы и починку принимаю я». Господин оставил худые сапоги попу чинить. Когда пришел поп, попадья передала ему работу. Поп посмотрел на сапоги, принялся

чинить и, вместо того, чтобы учинить их, он расковырял еще хуже, чем они были; когда он увидел, что сапоги расковырял, тогда принялся замазывать их варом. Умазал варом и поставил, как будто уделаны. Наказал своей попадье: «Когда придет этот господин за сапогами, скажи, что меня дома нет, и сдай эту починку сама». Вот шел этот господин мимо попова дома и вздумал, што отдал попу учинять сапоги, заглянул в окошко и спросил: «Сапоги мои готовы?» Попадья отвечает: «Готовы», — и подает ему. Господин взял сапоги, посмотрел на них и спрашивает: «Сколько за работу?». А поп все это подслушивал из-за перегородки. Попадья отвечает: «Один рупь». Он, ничево не говоря, вынимает рубль и говорит: «Жаль, что самого мастера нет, я бы ему прибавил». Попа это смутило, «как это меня нет», — выходит из за перегородки и говорит: «Вот и я здесь», — и высовывает голову в окошко. Господин бросает сапоги и хватает попу за косу, поп упирается, а господин тащит его в окошко. И так-скал столько, насколько сил хватило, а потом упустил попу, поп упал и крикнул: «Вот как у дураков вырываются!» И так, вместо прибавы, получил только выволочку.

Рассказывали про нечистую силу, работавшую по ночам в мастерской. „Дело было в Галиче. Мастерская была внизу, при ней тут-же спали и рабочие. Вот лягут они спать и слышат, что весь инструмент на верстаке кем-то берется, и слышат стук, кто-то работает. Вот, чтобы удостовериться в этом деле, стали проверять. С вечера кладут молоток и другой инструмент и замечают, как они положены. Утром просыпаются и замечают опять, кто-то ночью работал. Стали хозяину говорить: „хозяин, у нас что-то неладно, по ночам кто-то работает, мы спали, а у нас кто-то работал“. Сначала сказал один, хозяин не поверил, а когда все сказали—поверил и начал „образа поднимать“. После поднятия образов, конечно, выпили и легли спать и в эту ночь ничего не слышали. На вторую ночь опять слышали, что кто-то продолжает работать. Хозяин сначала не сказывал никому из посторонних, что такие неприятности, а потом не стерпел, начал объяснять другим. „Вот что у меня в мастерской делается“ — говорит он одному знакомому, а тот отвечает: „стоит тебе из-за таких пустяков беспокоиться, я тебя научу, что делать, и после этого ничего не будет. Возьми воску, растай его над верстаком, поставь над ним токмачик ¹⁾ и так продолжай это три ночи“. На первую ночь поставили и легли спать. В 11 часов слышит опять работает, а в 12 часов очень шибко что-то упало, и больше стука не было. Утром просыпаются, токмачик валяется среди полу. На вторую ночь тоже самое повторилось, на третью ночь тоже начал работать, но в 12 час. бросило что-то до того сильно, что даже треснуло. Утром просыпаются, глядят, токмачик валяется на полу, весь разбит. Сошлись опять с тем человеком, он и спрашивает: „Ну, как дела“? Хозяин отвечает.— „Все также продолжается“. „А што у тебя сегодня ночью было“?— „Вот, говорит, так што-то треснуло, не знаю, на што и подумать, а утром смотрю, весь токмачик разбит вдребезги“. „Ну, если это случилось, то он к тебе больше не придет работать“. И што же, верно, с тех пор все кончилось. Нечистая сила ни боится, ни святой воды, ничего, как воска“.

¹⁾ Инструмент для разглаживания переда и каблука.

Городские сапожники читали и слушали в общей мастерской газеты и романы из придворной жизни и из военных событий. Ждут, бывало, не дождутся новой газеты; ходили в чайную по несколько раз в день, в особенности вечером, не только почитать или послушать газету, но и отдохнуть и узнать новости от других посетителей; в трактире собирались сразу, из нескольких мастерских, было о чем поговорить и что послушать.

Кроме того в мастерских играли в карты—на деньги и просто в „козла“ и др. игры. Зимой играли в мастерских, в банях, а летом—на дворе, на сеновале, в сарае и в саду. Некоторые хозяева принимали участие в игре, стараясь выиграть у пьяных сапожников не только все их наличные деньги, но и будущий заработок. И случалось, что Рождество и Пасху сапожники оставались на „фуфках“ (без гроша):

По обыкновению в мастерских всегда слышались шутки, прибаутки, остро-ты, всевозможные выкрики, а то кто-нибудь скажет: „Ну, ребята, кто удалый развесели нашу компанию“. Скоро найдется весельчак, запоет песенку, а другие подхватят. Песни пелись почти без умолку, с утра до вечера, ¹⁾ пели старинные народные песни: „Вниз по Волге по реке, у Макарья в ярманке“... „Давно мне сердце говорило“, и много-много других. Пели романсы и про свое пьянство:

Сапожники мастеровые
До полночи работают,
До пьяна пьют.

По улице довольно грязной
Шол Савин с именин ночью порою.
Он не то, что слишком пьян,
А с хмельною головою;
От вина и от ходьбы подшибались ноги,
Он упал и захрапел—сажен на сто слышно.
Неожиданный случай, что с Савичем вышло.
Шол, прошол обирало пьяных.
Видит друг лежит живой, сам мертвецки пьяный.
Обошел его кругом, толкнул бедняжку,
Снял он оба сапога, потом халат, фуражку:
«Все равно ему лежать, скину штаны рубашку».
Долго спал наш Савин, наконец проснулся.

¹⁾ Лет 40—45 тому назад в Костроме был составлен хор песенников человек в 15—20 из сапожников разных мастерских под руководством башмачника В. Е. Молчанова. Устраивались специальные гулянья в Дворянском саду, за Волгой, на гулянье собиралось так много народа, что „страшно сказать“. При разгуле пели протяжные песни: Вниз по матушке по Волге, 2) Вечер в лужках гуляла, 3) Снежки белые пушистые, 4) Выйду-ль я на реченьку, 5) Ах ты, молодость, 6) Куманек, побывай у меня, и много других старинных песен. На гулянье назначали песен по шести, и после каждой песни играла духовая музыка. При хоре песенников были два плясуна. К гулянью песенники покупали красные кумачные рубашки и на утро пропивали их. Песни пели катаясь на лодках по Волге, а зимой в квартирах. На Рождество приглашали их к себе петь песни костромские купцы.

Неожиданный из'ян, Савич встрепенулся.
Побежал Савич домой, бежал без оглядки,
У бедного Савича лишь сверкают пятки.
Видит церковь и село. «Вот моя и хата,
Не сума-ль меня свела — нет сапог, халата».
Прибежал Савич домой, встал он у порога,
Поглядел он на жену, сам молится богу.
Его женка не узнала, — думала угодник;
Посмотрела, это муж, леший Савич, греховодник.
Завтра рано поутру к старосте, к Онтону,
Он сведет тебя дружка в волосну контору.
Ты будешь бояться
И не будешь толсторожий пьяный напиваться».
Полно, женка, не ругайся, куда же мне деваться?
Ты пусти меня родная, на печку погреться.

Лет семнадцати, не боле, вышла замуж я за Колю,
за танцора, за танцора.
Он играет звуки вальса, все играет на гитаре,
жизнь веселье, жизнь веселье.
Господа мастеровые, как получают трудовые,
и в казенку, и в казенку.
Пропил Коля сапожники, пропил Коля рубашонку
и явился, и явился.
«Здравствуй, женка дорогая, ты красавица милая»,
дай деньжонок, дай деньжонок.
Ну, конечно, бабье дело, не стерпела, заревела,
он озлился, он озлился.
Я с ведром, а он с метлою, я на двор, а он за мною,
«помогите, помогите»!
Собралась большая кучка, появилась тут штучка,
полицейский, полицейский.
Нас с Колюшкой подхватили, на пролетку посадили,
в часть с почетом, в часть с почетом.
Мы недолго с ним сердились, наконец-то помирились,
стали мирно жить, стали мирно жить.

А перед ужином пели такую песенку:

Не пора-ли нам, хозяйюшка, Наши глазки пригляделися
Поужинать собрать. Наши ручки примахалися...

Про любовь сапожника к пению, рассказывают такой анекдот. «В одном городе внизу в подвале жил сапожник, а вверху жил богач». Сапожник как только встанет, так и песни запеваает. Надоедал он богачу песнями. В одно прекрасное время богач сходит к сапожнику и говорит: «Что ты очень весел? Разве очень хорошо живешь?—Е... какая моя жись, когда есь нечево“, «А по-

чему-ж ты очень весел, все песни поешь?» — «Нет, — отвечает сапожник, — плохое мое веселье, я, не пою, а горе мычу». «Но если-бы ты был богатый, отстал бы песни петь?» — «Да вить я-же Вам говорю, что я не пою, а горе мычу, а тогда горя не будет у меня. «Ну ладно коли так, я твоему горю помогу». Богач приносит сапожнику 15.000 рублей денег на разживу. Когда богач сдал сапожнику деньги, тогда сапожник не нашел покою, не знал куда деньги девать: то уберет их в липку, а ночью проснется, ошупает, тут-ли, на вторую ночь уберет в другое место, все соится, чтобы не украли у него. А жене не рассказывает про эти деньги. Жена видит, што ее муж мало ест и мало стал работать, и спрашивает: «Што ты, Иван, рази ни здоров, ни ешь и песен ни поешь?» Он ничего ей на это не ответил. Так он пробился с неделю, прятал деньги в разных местах и не видел покою, и добился до того, что понес богачу обратно деньги. Принес и говорит: «Возьми свои деньги, они только губят меня». Когда пришел оттуда, принялся за работу и стал песни петь. А жена спросила, почему с ним произошла такая перемена. Он рассказал. Жена разругалась и не стала с ним жить, — ушла от него».

В посты некоторые хозяева не позволяли петь светские песни, поэтому сапожники пели молитвы, народные стихи духовного содержания и про духовных лиц:

Все мы люди умные,
 Все мы люди ученые,
 Ни сколами писаны,
 На попа поставлены.
 Известуйте, что есть три?
 В трёх лицах один бог.
 У Марии сын господь,
 На небе царствует,
 На земли господствует,
 Караудят бог наш на земли.
 Все мы люди умные,
 Все люди ученые,
 Ни сколами писаны,
 На попа поставлены,
 Известуйте, что есть четыре?
 Четыре евангелия,
 В трёх лицах один бог,
 У Марии сын господь,
 (И так до конца...)
 Все мы люди умные,
 Все мы люди ученые
 (И так далее...)
 Известуйте, что есть пять?
 Пять яств во христе,
 Четыре евангелия,
 (И так до конца).

Все мы люди умные
 (и т. д. до конца).
 Известуйте, что есть шесть?
 Шестокрылые Серафимы,
 (и т. д. до конца).
 Все мы люди умные,
 (и т. д. до конца).
 Известуйте, что есть семь?
 Семь собор (ов) святых отец
 (и т. д.)
 Все мы люди умные,
 (и т. д. до конца).
 Известуйте, что есть восемь?
 Восемь концов на кресте,
 (и т. д. до конца).
 Все мы люди умные,
 (и т. д. до конца).
 Известуйте, что есть девять?
 Девять чинов ангельских,
 Столько же архангельских
 (и т. д.)
 Все мы люди умные
 (и т. д. до конца).
 Известуйте, что есть десять?
 Десять заповедей
 (и т. д. и т. д....)

А то пели и такую:

Один—Как у троицы было у Сергия,

Хор. Взбунтовалось монашество.

Один—Ни пойдем мы, братья,

Хор: Ни к заутрени, ни к обедни.

О. Пускай наш игумен догадается,

Х. За глубокие карманы хва-

тается,

О. Пускай же он выкатит бочки ду-

бовые,

Х. Набьет на них обручи кленовые

О. И повесит ковшички медные,

Х. И нальет стаканчики хрустальные.

О. Пускай же он сначала сам попьет,

Х. А потом и нам поднесет,

О. Как на правом то крылосе запели,

Х. «С похмелья голова болит»,

О. А на левом-то подхватили:

(Резкий переход на веселую).

Х. Сели девки на лужок,

Где муравка и цветок,

Где мы с вечера резвились,

В хороводе веселились,

Во приятной тишине,

Под березкой здесь одне,

Здесь красавица милая,

После этого смеялись и пели.

Двадцать лет в попы учимся,

А живем-то—только мучимся;

Не досыпай и не до обедывай,

Все крести да исповедывай.

И тревожат, как сибирного,

И всего из за пятылтынного.

То-ли дело в благочинные,

Хвать приходят исповедывать“...

Пели много и других подобных этим. Иной раз в пост, вечерком, войдет в мастерскую хозяин старик и начнет рассказывать про свою благодетель.

„Придет ко мне, бывало, бедный, попросит сшить сапоги или ботинки в долг, ну, што же, ладно, скажешь,—сделаю. Немножко спустя принесет он долг-то и скажет спасибо, да другой скажет спасибо-то несколько раз, да еще в ноги поклонится и просит: „не оставь, батюшко, в другой раз“. Я никогда не отказывал, скажешь, бывало, приходи-приходи, рази жалко помочь бедному и чесно-му человеку. И мастера были прежде хорошие, у меня их пережило и не пе-

Светик—радость дорогая.

Здесь, здесь, здесь ау!!...

Без тебя мой друг помру!

Все девченки спохватились,

Домой идти торопились.

Одна Аннушка дружок,

Садилась на лужок.

Со травы цветы рвала,

Венок милому плела.

Не успела сплесть веночка,

Мил выходит из лесочка.

Выходила туча гром,

Выходила туча гром.

Со частым мелким дождем.

Как со етова дождя,

Стала улица грязна.

Что грязна, грязна, грязна,

Пройти молодцу нельзя.

Я пешочком не пойду,

Себе извозчикка найму,

Извозчика лихача.

Сеньку, Ваньку скрипача.

Ванька все порятки знает,

Только пьянова напой.

Он без шубы, без кафтана

Привезет тебя домой.

Тут-бы были-бы не пятылтынные,

А на уме-то все разные,

То рублевы, то красные.

После праздника Ведения,

Средь Филиппова говения

Только стал дообедывать,

Хвать приходят исповедывать“...

речтешь сколько. Многие перемерли, царство им небесное. Оне старались работать, а я помогал им, давал в долг, играл свадьбу, хоронил и на постройку помогал. А нынче и помогать-то не за што, а в долг, боже сохрани, лучше и не давай, не отдадут. Нынче народ-то опохабился, совсем испортился, не на што непохож. В прежнѐе время Многие старики хозяева, особенно деревенские, были неграмотные, а запись-то сѣтаки вели в книгах. Дадут, бывало, товару на одну пару, ставят одну палочку, а когда принесут сшитую обувь, отмечают крестиком. Выдачу денег записывали, десять копеек одной палочкой, двадцать двумя палочками, крестик в кружке означал рупь. А то и без записи старики-то помнили по несколько лет, тогда все было справедливо. Были случаи, но очень редкостные, находились отчаянные сапожники, которые подставляли значки и оспаривали: „Хозяин, я принес давно, да ты видно забыл отметить“. Но таких мало было, и такие сапожники позорили себя перед всеми. Вы думаете, легко денег-то нажать? Не-т. Нашьют, бывало, обуви-то, повезешь на базар, а все расход требовался: то чайку попьешь, закусишь, да, глядя на других, соблазнисся и вина выпьешь, а продовать-то как приходилось, боже мой! Стоишь, стоишь, зябнешь, зябнешь, божисся, клянесся, расхваливаешь товар, работу, а мужик — от ломается над тобой, то ему кажется, товар плох, тѣ сапоги велики или малы, да так и не продашь ничего, или отпустишь в долг, а эта продажа на честное слово, так нас учит, беда: ходишь, ходишь за деньгами-то, да так и отступишься, не мало и пропадало“.

Кроме того, хозяин начнет читать евангелие, жития святых и делать всевозможные наставления о добродетели, честности и справедливости. Одним словом, пост являлся как-бы духовно-нравственным воспитателем сапожников.

Приходилось слышать, что сапожник безбожник, душа у него—голенище. Городские сапожники и сами говорят, что редко приходится ходить в церковь. „Все некогда,—то дела, то пьянство, то отдохнуть хочется и, как только придешь в церковь, так все поют „христос воскрес“. Совсем другое дело среди крестьян-сапожников, они прилично одеваются в праздники, почти каждое воскресенье и праздник ходят в церковь; тоже и пригородные сапожники, ни одной праздничной службы не пропустят, а если, что и задержит, так чувствуют угрызение совести, и праздник им бывает не в праздник“. Есть даже любители церковного пения и сами пели в хоре и посвящались в дьякона. А хозяева избирались в церковные старосты. Жертвовали на колокола, делали за свой счет иконостасы и золотили их и паникадило, покупали иконы и жертвовали в церковь.

Богатые сапожники—народ богомольный. „Пред господом-то они все поклоны и поклоны, а обманывать первые плуты“—говорят сапожники. Никогда не отпрут они лавку, не перекрестясь, войдут в лавку, усердно молятся на икону, находящиеся в ней. На этот счет сапожники пели такую песенку:

Улицей широкой
Шел мужик богатый.
Шуба лисья на меху,
Шапка превысокая.

Борода широкая
Ветром раздувается,
А за пазухой кошель с деньгами
Так и расширяется.

Вот приходит в лавку он,	Лавка запирается.
Долго богу молится.	И выходит наш купец
Все приказчики к нему,	На широко и веселу улицу,
С низкими поклонами...	Постучался он в окно,
Посмотревши на дела,	Видит бабу видную,
В трактир чай пить отправляется.	Видную—солидную,
И сидит он битых три часа,	Толстую здоровую,
Чай пьет, отдувается,	И заходит к ней,
И во что сердешнова	На всеночную беседушку.
Чай только вливается.	И поутру, как мокрый гусь,
Дело к вечеру идет,	Он к жене является. 1)

Работающие в общих мастерских и у себя на дому, в Рождество и Пасху ходили поздравлять хозяев с праздником. Хозяева накануне приглашали: «Приходите после обедни». Войдя на кухню, сапожники посылали дежурного мальчика доложить хозяину, что мастера пришли. Выходит хозяин, они поздравляют: «Хозяин с праздником». Он отвечает: «И вас также». В пасху христосовались, некоторые хозяева давали всем по яйцу, а сами не брали ни от одного сапожника. После этого хозяин давал им вина и закуски, а сапожники «духом» выпивали в мастерской или на кухне. Давали и одними деньгами, а то угощали вместе со своей семьей—за одним столом.

Поздравив хозяев, сапожники шатались друг к другу, а на второй день, ходили в трактиры партиями из разных мастерских, ходили к девкам в веселые дома, и по балаганам.

В общих мастерских много дают разных прозвищ друг-другу сапожники, например: Горюшко, Солнышко, Херувимчик, Голыш, Гольчепа, Сашка-ворона, Ванька-очки, Паша-леший, Алеша-чубук, Колька-скучила, Андрюшка-фанатик, Мокрая-пола, Васька-лепило, Чертопляс, Кобыла, Рыло, Бабыя рожа, Грач, Су-дак, Волк, Бес, Вавило, Гриша-сатана, Модный, Чугунный-жучек, Грызло, Колесо, Рыкало, Буба и много-много других. Прозвища имеют свои причины и даются они довольно основательно. Сапожники с шуткой говорят: «У нас—как в монастыре, только там при пострижении, а у нас при поступлении дают другое имя». И действительно, так свькаются с прозвищами, что позабывают свою фамилию и христианское имя. 2)

Кроме песен, рассказов и прочего, в мастерских играют на губах, на гребенке и гармошке, нарочно приглашают и просят пришедшего с гармоникой сыграть. А сами подпевают:

В праздник, в ситцевой рубахе,	И лаптями он торгует,
С бляхой на пузе ремень,	И онучки продает.
Ходит Ванька по деревне	Дуньку кормит кулаками,
И играет в гармазу.	Пяталтынный в день даёт.

1) По словам рассказчика, в песне есть пропуски, которые вспомнить он не мог.

2) Вот, например, спроси в Костроме Ив. Ив. Иванова (фамилия вымышленная), никто не знает, будут думать, кто же это Иванов Иван Иванович? А назови «Серило», так сейчас же укажут его, даже без улыбки.

Так бывает весело у сапожников, что и посторонние находят удовольствие быть у них. «Экое хоросьво,—кажись и не ушол-бы отсюда».

Самое ремесло и сидячая жизнь делают сапожников грязными, сутулыми, сгорбленными, впалогрудыми, неподвижными и вялыми, но зато всегда они веселые остроумные, рассказывают, поют и шутят весь день, что ни шаг, то у них причуда. Заметят в мастерской ковыряющего в носу,—безразлично: ученика или друга своего, хозяина, хозяйку, их детей, или случайно вошедшего,—сейчас-же скажут шуточку-прибауточку:

Хотя пословица и скверно говорится,
Но в носу ковырять не годится.
Один мальчик засунул в нос пальчик
И у него вышел не нос, а носище,
С сапожное голенище...

Ни одного человека не пропускали сапожники, что-бы не осмеять, особенно смеялись над девицами: «Ей, барыня! што ты каблуки-то стоптала, по коровьи ходишь?» Девицы старались обойти сапожные мастерские, но они не стеснялись крикнуть и на далекое расстояние: „Ей! барыня, али зазналась, кто я, и глядеть не хочет“. „Она замуж выходит, у ней богомолье недавно было, ну, вот и боится, что жениха отобьют“. Смеялись и над своими товарищами. В Костроме в мастерской Е-ва много лет жил громадного роста сапожник Макар, шил он обувь, был за дворника и водился с ребятишками „лучше няньки“. Бывало, где бы не увидели его сапожники, всегда посмеются над ним и спюют:

У Егорова на погребу
Сидит Макарка с вилами.
Батюшка не убей,
Дам пару голубей.
Слава, слава силе твоей.

Как только ни дурачились костромские сапожники в мастерской при Зотовском фабричном лабазе. Выйдет сапожник из ворот фабрики, увидит корову, вскакивает на нее и катит по улице.

Сапожники свободно чувствовали себя в отсутствии заведывающего указанной мастерской. Как только увидят его, и кричат в форточку: „Турка, турка идет!“ А он грозит им пальцем, а когда войдет в мастерскую, все молчат.

Костромские сапожники любили побороться, в особенности в летнее время. В праздники, а иногда и в будни, выходили они в поле на окраину города, за фабрики и боролись; к ним присоединялись и фабричные рабочие. Около них собиралось много народа, за борцов держали „мазу“ на сороковку. Хороший борец из сапожников получал прозвище какого-нибудь известного борца („Поддубный“ „Крылов“ и т. п.).

Кроме борьбы в Костроме были кулачные бои. Жил сапожник Александр Гурбин. Был он здоровый пьяница и хороший боец, отличался силой и храбростью, гонял целые толпы.

Среди Костромских сапожников бывали знаменитости не только по части кулачных боев и борьбы, но и по ловкости, как акробаты и фокусники.

В 1896-1899 г.г. сапожник Ив. Медведев ходил по канату с самоваром и чайным прибором на голове, с кичжалами на ногах и балансом в руках — для равновесия. Ходил по канату он и в Ярославле. В 1900 г. простудился и убрался на тот свет. А другой сапожник Александр Иванович Соболев в 1900-02 г. г. бегал по площадям в Костроме и такой был скороход, что перешел на приездежх бегунов. Ездил он в Приволжские города: Ярославль, Кинешму, Юрьевец, Казань, Чистополь по реке Каме и во Владимир. При раз'ездах научился фокусам: глотать огонь, дeтать яичницу, а из яичницы—ленты и т. п. Этот сапожник и теперь живет в Костроме.

Костромские сапожники принимали участие в гулянье так называемом „Ярилова-плешь“. Гулянье устраивалось в Костроме, около Лазаревского кладбища, в воскресенье всех святых, „когда все именинники“. На гулянье сходились рабочие костромских фабрик и крестьяне окружающих деревень. Устраивалось круглое „колоколо“ (палатка, сверху покрытая полотном), в нем продавали пиво, а на луговине распивали. Молодежь хороводы водила, а взрослые пили, пели, ругались и дрались.

Среди сапожников находились пьяные смельчаки, которые не боялись резко обличать хозяев. Был а Костроме хозяин В, имел два дома, денег тысячи и сапожную мастерскую, а такой был скупой, что по несколько десятков лет носил пальто, прозванное сапожниками его мастерской «подрясником»; и сапоги носил лет тридцать, ходил почти все время в опорышах. Была у него сюртучная тройка; после свадьбы положил он ее в сундук, и так она слезалась на дне сундука, что когда ее вытащили, так вся она развалилась — истлела. Бывало, идет он по улице, а пьяный сапожник кричит ему: «Што-ты пальто-то какое носишь? И в озорках ходишь, и не стыдно тебе? Богач!»...

Подшучивали сапожники и над возгордившимся, увидят его и крикнут: «Василий Иваныч, поди, зайди, потолкуем». А он идет и ухом не ведет. А сапожники кричат: «Што и знаться с нам не хошь? Кто я, — на три спички поднялся».

В Костроме, в одной из мастерских, приведут, бывало, пьяные сапожники двух или трех баб с улицы в сарай, втащат их на сеновал и скажут: «Мы уйдем за вином, а вы тут, подождите, мы скоро придем». А сами сидят спокойно в мастерской или лягут спать. Бабы, выйдя из терпения уходили из сарая, конечно, с руганью.

Не стеснялись сапожники посмеяться и над хозяйкой. Хозяин куда-нибудь уйдет или отдыхает, а сапожникам захочется поесть; подведут часа на полтора или два вперед, и кричат: «Хозяйка, ужинать давай! Она полезет в печку, а кто-нибудь из них скажет: «Рано, рано, хозяйюшка, часы-то подвели». Ну, конечно, посмеются, а хозяйка поругается немножко, да и успокоится.

О переводе часов мне рассказывали такой случай: «В нашей мастерской висели часы старые, и вот, бывало, хозяин скажет: «Надо ребята узнать, скоко время». Полезет смотреть и повернет стрелку-то назад, да вопче наш хозяин всячески старался урвать и от обеденного времени у сапожников, а работали-то мы понедельно. И вот сговорится он заранее с женой, и в обеденные часы кричит: «Ей, баба, готов-ли обед-то?» — «Нет-ищи, подождите немножко». Пройдет

минут 5, хозяин опять кричит: «Баба, скоро-ли обед-то?» — «Да подождите же, дрова-што-то не больно горят, сырые попали, и щи то не упрели, подождите минутку». Наконец хозяин встанет и крикнет: «Ну, ребята, давай — бросай, идем обедать, а то ее не дождесся». И так минут 10—15 оттянет от обеденного времени, а в самый обед пошлет своего сынка подвести часы вперед. Мы стали замечать, что больно ходко идут часы. Как-то раз остался один сапожник в мастерской, как будто больной, лежит и видит, как хозяйский сын палкой двигает стрелку; так это озлило сапожника, взял он шпандырь, да как хватит по рукам сыну-то хзьяйскому, тот так тут и бросил палку да бежать, с того время часы стали ходить верно».

«В Нерехтском уезде, рассказывал мне сапожник, был такой случай. Как-то раз пришла хозяйка в мастерскую, а она была тол.....стая. А сапожники перед-тем, как ей придти, воткнули шило в липку вышедшего сапожника, думали его посадить на шило, хватъ села-то хозяйка, да как соскочит и закричала: «Што вы делаете, робята?» А мы со смеху покатываемся. И хозяин после-то смеялся. С того времени хозяйка и не бывала в мастерскую».

В Костроме в одной мастерской хозяин напился пьяный, а жена стала ругать его. Сапожники подслушали, и стали смеяться над ней—промеж себя;

Не пей, Маримон (Ларион),
Не гуляй, Маримон,
Лучше хлеба купи,
Маримон.

Не послушался Маримон,
Напился Маримон.
Эх, Маримон, Маримон..

Всем известно, что сапожники в большом числе: забулдыги, моталы, путанники, горькие пьяницы. В особенности хорошие мастера страсть как любят выпить: как хороший мастер, так обязательно пьяница. Пьют сапожники и запоем.

Любят сапожники понедельнички, считая их двенадцатыми праздниками. В понедельник, говорят они, одни выблядки работают. Если вздумает кто работать в понедельник, так говорят; „Нонче ведь понедельник“. В понедельник сапожники шатались по всем кабакам, почему и говорили: „Сегодня Пимоны, Гулимоны по всем кабакам кресные ходы“.

Следует отметить, что понедельники самые свободные дни у сапожников, так как все работы заканчиваются большей частью в воскресенье, да и хозяин в этот день свободен от беготни, сидит дома, принимает и сдает заказы. В субботу у сапожников самая горячая спешка, в воскресенье отделка до обеда, а если и освобождается сапожник от хозяйской работы в воскресенье, то работает на сторону в свою пользу, производя починку обуви разной кожаной обрешью так называемой „шмуг“, который накапливается в липке каждого сапожника из остатков при работе. Только к вечеру в воскресенье освобождается сапожник от работ, и идет он в трактир, выпивает, а в понедельник отдыхает от недельной работы вместо воскресенья. Во вторник опохмелка, а если не на что, тогда производится ремонт своего белья, в мастерской, а то и в кустах. Ушивают по разному: узлом, иглой, а то сажают заплаты прямо на клейстере, главным образом на заднице. Случалось, только примется сапожник за работу в среду, а на грех придет „арендатор“ (заказчик), с полбутылкой или бутылкой вина, и так среду прогуляет, да и от четверга отхватит уголок.

В сапожной мастерской при лабазе Зотовской фабрики в Костроме сапожники пьянствовали целыми артелями посменно, одна партия пьянствует, другая работает. Попарившись выпивали они в трактире, а после купания на зеленом берегу и в кустиках; после выпивки валялись на травке, спали, а солнышко жарило их до пота.

Не имели сапожники ни настоящей одежды, ни белья, ни обуви, не зря же говорится: «Сапожник без сапог». Приходилось частенько слышать их пение: «Гол как сокол, поет, веселится...

Таков уж крест наш.
Не спроста и говорится;

«Пьет как сапожник».
Всем нам от этого креста
Вовек не окреститься.

Зимой или осенью надумают сапожники сходить в «гостиницу», а обуви то нету. Порядят мальчика за пятак сопровождать их в трактир по одному человеку. В трактире пришедший первым сбрасывает опорыши, а мальчик бежит с ними за другим; и так все по очереди, в рваных пиджачках, прикрытые рогожей, в изорванных фуражках, скорчившись от холода, семеро в одних опорках сойдутся в трактир. Ходили и на голиках, на лубочках—по «римлянки» подвязывая веревкой лубок от яблочных коробьев. А то наденут на одну ногу валеный сапог, а на другую опорыш, и идут. Часто обували обувь, принесенную в починку. Таскали друг друга на плечах; стыдась идти босыми, мазали ноги сажей, или черной краской; на левой стороне начертят пуговики; иногда так намажут аккуратно, что издали кажется, что они обуты в башмаки. В трактире сидели столько времени, насколько хватало денег. Некоторые из них, так называемые «сухие пьяницы» большие любители играть на биллиарде, проигрывают весь заработок и даже все с себя, как настоящий пьяница, целыми днями, бывало, торчат они в биллиардной; если не играют, то смотрят. Посторонние осуждают их за игру: «задница гола. а на билиярте играют». Из трактира расходились, кто как сумеет, а то и выталкивали их. Иной ухитрялся и на извозчике под'ехать к квартире, под'едет и кричит жене: «Плати деньги!» жена и уплывает. А то такой седок и надует извозчика; под'едет к чужому дому, соскочит, и спрячется во дворе, а извозчик подождет, подождет уплаты, да так и уедет ни с чем.

Выходили из трактира на своих на двоих, одиночкой и попарно, хватаясь друг за друга. Многие стыдились встречи с пьяными сапожниками, «уж больно они не приличны, весь аппарат на воле». Некоторые встречные, не зная, что это сапожники, замечали: «Ну и обувь-то пропили». А другие пошутят: «Эй, земляк, обожди! давай покурим!» «Ну, брат, недосуг, пяты жжот»,—отвечает сапожник. Иногда выходили из трактира с шумом, криком, ругали городовых, пели про них:

Полицейский крючек
Обирает пятак.
Кто не даст пятак,
Попадет под крючек

Угостим крючка
Казенным вином.

Распроклятая вы тать,
У нас тоже не х.. взять.
Уж мы сделаем, ребятушки,
Складчинушку втроем,

Напилася тупорылая свинья
И проснулась без селедки и свистка.
Поквитались мы с тобой
И катися колбасой.
Утром пристав твоё дело разберёт,
И крючок сам под кручѣк попадет...

и за это попадали в «казаматку»

В участке протрезвлялись, занимались подшивкой старой обуви и выходили оттуда с деньгами; войдя в мастерскую, кричали: «Вот и я из гостей пришел; так мне теперь можно и выпить!» И опять начинал кутить. Пьяные сваливались в ямы, канавы, валялись под мостом, под подворотней, тонули в речках, замерзали в поле и в лесу, отмораживали ноги и руки, резались ножом и попадали под поезд. Когда закутят, пропивали все с себя, а потом ташили из дому даже и венчалные иконы. На смену белья получали худое, и не по размеру, длинные штаны приходилось засучать их; а заметившие это подтрунивали: «Глядите, идет, штаны-то засучил, видно, пароходы пускать хочет». Случалось, вместо штанов надевали мешок или обвязывались двумя фартуками; а то сидели в одной рубашке. Сапожники, не имея своей одежды, пропивали и чужую. Попросят у хозяина или у товарищей одежды, сходить в город погулять или дойти до дому, уйдут и не появляются по несколько дней; а после являлись в одних отрепях. Одевались потихоньку в чужую одежду и пропивали ее. Пропьют, бывало, чужое пальто, потерпевший горюет, не спится ему, а пропившие, чтобы успокоить его, ночью шепчут между собой, толкнут в бок горюющему, скажут или крикнут: «Ванюха! а Ванюха! не горюй, не пропадет твое пальто, вот, брат, как это случилось, встретили мы хорошего знакомого, а угостить-то не на что, ну и пропили твое пальто. Не тужи, на утро выкупим;» Он поверит и успокоится, а пальто не скоро возвращалось.

Случалось пропивали сапожники и хозяйский товар. Хозяин стыдил за это и ругал: „Как тебе не стыдно, дурак, подлец, сукин сын, пьяница?! Прогоню стервеца!“ Поругает, поругает, но не прогонит, а за растраченное вычитал из заработка. И сапожники, свои друзья, ругали: „Вот уж так делать нехорошо. По нашему-пить пей, а воровать не надо“. Об этом сапожнике знал весь город, и неохотно принимали его другие хозяева.

Иной сапожник долго „сдерживается“, боится лишней копейки истратить. Немного „обнатурится“, „окупируется“ (приоденется). Хозяин удивляется и посмеивается над ним: „Не хозяйством ли хочешь завестись? Не на дом-ли купишь?“ Как ни крепится сапожник, а червячек засосет, терпение лопнет и начнет плановать, как-бы раздобыть, деньжонок на выпивку. Стукнет по голове, скажет: „Голова, дай ума, картуз куплю, а не дашь,—останный пропью“. Потом начнет обманывать хозяина выдумкой, что жена и дети голодают, вот уж неделю сидят не евши. Хозяин посочувствует голодающим, но самому сапожнику денег не даст, а пошлет мальчика в лавочку за хлебом на двадцать коп. для передачи семье сапожника; а сапожник догадается, да за мальчиком в догонку и кричит: „Ванька! Ванька! подожди“. А мальчик и слушать не хочет, бежит во всю мочь, прибежит в лавочку, купит хлеба, но не успеет выйти из лавочки, сапожник встречает и вырывает у него хлеб, сдает на десять копеек обратно лавочнику, выпьет тут же или получит гривенник обратно, и строго накажет мальчику молчать об этом“. Сапожник, притворяясь больным, просил у хозяина денег на покупку новой фуражки, а сам последнюю пропивал, оправдываясь перед хозяином: „Перелезал через забор, фуражку-то и потерял“. А то скажет: „Нехорошо сапожнику ходить в хорошей одежи, стыдно сделалось ну и пропили“.

всётаки доносили кадку до назначенного места. За пятак носили в зубах ко-ромысло с двумя ведрами, наполненные водой, не поддерживая их руками, сдер-живая условие, — идти руки назад. За вино позволяли вставать себе на грудь, клали на грудь сапожную плиту ¹⁾ и позволяли бить молотком по плите. Иногда мучается сапожник с похмелья, а похмелиться не на что, в это время кто-нибудь и подзадорит: „А борода-то какая у тебя хорошая, продай бороду и усы“. А в это время случится в мастерской цырульник. ²⁾ Ну, и согласится сапожник за полбутылки сбрить бороду и усы. На утро посмеются над ним, и ему делается совестно, а потом махнет он рукой и скажет: „Ну, ничего, вырастет“.

Поспорят между собой: „Тебе не дойти завязанным по шею в мешке до такого-то места; если дойдешь, я полбутылки покупаю, а не дойдешь—с тебя бутылку“. Некоторые пойдут и упадут. Просят проходящих: „Дядюшко, поды-ми“. Проходящие и видящие это женщины удивлялись и спрашивали знакомых: „Щё это, матка, в Овинове-то ³⁾ рязены ходят“?

Чего, чего только не делали сапожники за вино. В Костроме притворялись безрукими: Вытащит сапожник руку из правого рукава, и просит: „Подайте без-руку“. Подающие спрашивали: „Где оторвало“? „У Понизовкина“. ⁴⁾

В общих мастерских 30-го августа, в день Александра Невского, устраива-лись „засидки“. ⁵⁾ Сапожники очень рады были этому дню, с утра начнут мечтать о выпивке, кричат на мальчиков: „Ну-ка, ребятишки, правьте лампы“. А хозяин услышит и спросит: „Неужели хотите с утра“? — „Нет, хозяин, это так“. После обеда зажгут лампу; хозяин войдет в мастерскую и скажет: „Ну, ребята, пойдем-те в трактор?“. В тракторе угощал их чаем с вареньем, пи-вом, водкой, пирогами, разными поджарками. Некоторые хозяева угощали сапож-ников у себя в дому: напоят чаем, поднесут по чашке водки и угостят специально испеченным пирогом, а то некоторые хозяева выдавали только по фунту баранок, но таким угощением сапожники не довольствовались и после этого шли в трак-тир и выпивали там на свои. В засидки и ученикам давали хозяева копеек по 7 деньгами или каких-либо гостинцев (яблоко, конфет и т. п.). Засидки имели затяжной характер—дня на два, на три, на пять и даже на целую неделю.

Костромские сапожники любили осеннюю капустницу. С нетерпением ждут, бывало, рубки капусты. Заранее говорят об ней: «У нас тогда-то будет даровое вино». Рубка капусты происходила в сентябрьский праздничный день. На капу-стницу собиралась «вся дворня» — человек пятнадцать: кухарки, горничные, сапожники, ребятишки и другие. При рубке капусты ребятишки таскали капусту, бабы чистили, а другие взрослые рубили ее. А хозяйка присматривала за всеми. Перед обедом какой-нибудь смельчак крикнет: «Хозяйка! капуста-то больно суха, надо смочить, а то скоро испортится». После этого делается перерыв на

¹⁾ Утюг без ручки.

²⁾ Парикмахеры ходили по мастерской в четверг, пятницу и субботу и стригли сапож-ников за табак и деньги.

³⁾ Дер. около г. Галича.

⁴⁾ Паточный завод Понизовкина в 40 верстах от Костромы.

⁵⁾ Начало осенней работы с огнем.

обед. В обед хозяин угощает вином, а хозяйка сладким пирогом, яблоками и арбузами. Весело бывало в капустницу: поют песни, смеются, кричат, визжат и пищат. Иной сапожник прихватит и шипнет кухарку или горничную, а та, обороняясь, ударит его по щеке.

После обеда опять рубят капусту, но, конечно, не так уже успешно. По окончании рубки капусты сапожники напивались в «дрызину» (до потери сознания), а потом кутили на свои.

В Костроме был глухой сапожник, изрядно выпивал и часто попадал в часть — до утра. Утром выйдет, только успеет опохмелиться, пойдет мимо гостиницы «Эрмитаж», закричит и начнет «палить» в окошко камнями. За это опять попадал в участок.

Иные допьются до чёртиков, до страшных привидений.

В Костроме один молодой сапожник, бывало, как напьется, заберется в чулан и всю ночь сидит с тляпкой или ножом в руке и кричит: «А ну-ка, подойдите, подойдите, черти косматые». «А, городской, городской идет! подожди, подожди, как я тляпну тебя!»

В Галичском уезде в былые времена спал пьяный сапожник за порогом мастерской. Проснулся в двенадцать часов ночи, и кричит: „Караул!“ Его спрашивают: „Что случилось?“ „Мне показался человек такой большой, что не уместится под потолок, смотрит на меня и говорит: «Ага, попался!...» а сам страшный, черный.“ Пошли смотреть, ничего нет.

Годов сорок слишком тому назад другой сапожник ходил к попу записываться от запоя; когда записался и шел домой, не доходя версты две до дому, из орешника выбегает навстречу огромная собака и не дает ему ходу,—бросается на него, а не лает; с сапожником шла мать; она идет и не видит собаку, а он из стороны на сторону бегает. Мать спрашивает его: «Федя, што ты нейдешь?»—«Да меня собака не пускает»—«Где она?»—«Али ты не видишь? Вон какая большущая!» И вот таким манером часа два пробились. Пришли домой, а у него вся рубашка мокрая от страху, и обессилел он совсем.

Пьяные сапожники бывают разные, одни очень тихие; напьются и сразу-же ткнутся спать, а другие очень «карактерны»: буянят, скандалят, ко всему и ко всем придираются, а особенно к жене и детям. Придет такой пьяный, заставит поставить самовар, спросит есть. Жена подает. Хлебнет он ложку—две, не понравится, выбросит чашку за окно и начнет бить стекла, посуду, всячески истязать жену, таскать ее за волосы, душить за горло, замахивается на нее ножом с криком «собой не пощажу, зарежу!» Колотит детей, выгоняет их из дома на мороз босиком. Дети дрожат и режут, а кто-нибудь из посторонних сжалится над ними и пустит их к себе погреться.

В Костроме был такой случай. Один сапожник—пьяный так крепко схватил жену за косу и уснул, что никак не могли разжать руки и разбудить его, пришлось отстричь косу. Он проснулся на утро с косой в руке.

Но бывали сапожники и пьяные добрыми к семье, покупали они хорошего мыла, духов, статуэток, гостинцев, игрушек и дарили жене и детям.

Как только ни дурачились пьяные, схватит за угол дома и кричит.

«задавлю! уроню, повалю». Пугали родных покушениями на собственную персону. Один холостой сапожник (в Костроме) парень был «не ухо от лохани». Когда ругали его мать или сестра за пьянство, он в отместку им заберется в чулан и начнет вить веревку. Они увидят, испугаются и закричат: «Што ты, Николай, делаешь?» «Хочу удавиться». Они начнут уговаривать: «Полно, полно, Коля, не дело задумал, опомнись», после этого он бросает веревку.

Пьяные сапожники дрались между собой из-за разных пустяков; поспорят, бывало, из-за девок,—кто отбил у кого, ну и подерутся; но сердца друг на друга не имели. На другой же день мировая.—опять вино.

Накопившуюся злобу против хозяина сапожники осмеливались высказывать только в пьяном виде. Когда выпьют «говоруна», ругают хозяина, что называется во всю, «из души в душу». И спрашивает: «Почему ты мне мало положил за работу?» Требует от него: на полбутылки, на ужин и расчета: «Не буду работать, давай пачпорт!». Хозяева не дорожили плохими мастерами, стукнет, бывало, по шее расшумевшему сапожнику, выбросит паспорт, покажет пальцем на икону и порог и крикнет: «Вот тебе бог, вот тебе и порог, лети на все четыре стороны!» и даст гривенник на дорогу. Утром протрезвится сапожник, извиняется: «Прости, хозяин, ей богу, ничего не помню». За хорошими сапожниками гонялись хозяева. Если такой подмастерье уходил украдкой от хозяина, хозяин посылал мальчиков в трактир разыскивать и сам спрашивал: «Не видал-ли кто такого-то сапожника?». Запрягали лошадей — нагоняли ушедшего сапожника на дороге, вязали веревками и связанного привозили в мастерскую, угощали вином, а денька через три, когда он начинал протрезвляться, спрашивали: «Нагулялся-ли?» и уговаривали «Пора, пора, друг, приятель, и за работу приниматься».

Некоторые сапожники стыдились за содеянное, а другие даже с удовольствием рассказывали про свои скандалы.

„Вот какая вещь случилась со мной—рассказывал мне один сапожник: Было мне страшно спохмелые, голова трещала, я побежал в казенку, купил сотку и стал тянуть из ней около казенки. Увидал меня, братец ты мой, полицейский, забрал и посадил в баню. Я до того расшумелся там, што разом раскидал почти всю печку в ней, все кирпичи выбил. В скором времени теща моя сходила к старшему полицейскому и идет с ним. А я догадался, в чём дело, вышел в сени и встречаю их, а дверь-то притворяю, штобы не увидали печку. Полицейский крикнул на меня: „Выходи вон, мерзавец!“ И в шею вытолкнул меня, тем и кончилось дело“.

«А я—рассказал другой сапожник,—был очень шумливый, смелый молодой-то, здоровый и сильный; бывало, на 10—15 человек выхожу смело. Один раз окружили меня человек 15 молодых ребят, а я один—пьяный и как, понимаешь, едак размахнусь, оне и брызнули от меня в лес, а я за ними. И удивляюсь после-то, почему оне убежали, веть они могли бы партией-то разорвать меня».

Пьянству хороших мастеров радовались хозяева, им это на руку. Они нарочно спаивали их, чтобы закабалить в долгах. Без просьбы сапожников они давали по 5—7 копеек на затраву. Не даром-же поется песенка:

Удальцы мастеровые, получивши трудовые,
дачке рады.
Словом, точно помutilись и на деньги рассердились
без пощады.
„Сколько водки? Четвертную! да зайди еще в сестную
за печенкой“.
Ну вставайте, поскорее, заиграйте веселее
с перетёмкой.
Пиво с водкою смешалось, словно море
взбушевалось.
Песни, пляски, шум большой стоял до света.
Песни все были пропеты, вышла
встряска.
А хозяин за стеной говорит
с своей женой:
„Пусть бушуют,—как пропьются вот
до нитки,
Тогда можно сделать скидки—
прозимуют“.

И действительно, после пьянства сапожники работают вплотную, никуда не выходят из мастерской; и в праздники работают очень старательно, как провинившиеся.

Бывали случаи, сами хозяева выпивали с мастерами, пили запоем, по неделе и по две не являлись в мастерскую. В отсутствие хозяина управляла делом сама хозяйка или надежный подмастерье по ее просьбе, а то и старший ученик делался заправилкой.

Скупые хозяева мелкие материалы доверяли своим ученикам, таким, которые берегли хозяйское добро пуше, чем свое. В Костроме у В—а был такой бережливый мальчик, что каждый гвоздь и щетинку поднимал с пола и клал в коробочку, а сапожники подшучивали над ним: как только отвернется он куда-нибудь в сторону, у него стащат всю пачку щетинок и молчат, а когда придет хозяин, они нарочно просят у хозяина щетинки. Тут и начнется сцена,—ругань и битье шпандырем.

Жены сапожников, перенося много неприятностей от пьяных мужей, всячески старались отучить их от пьянства. Ходили к ворожеям, которые наговаривали на воду и на соль. Наговоренную воду наливали в самовар, кипятили и поили мужа, а соль посыпали на хлеб и подавали ему же. На счастье семьи муж „остепенится“, а жена думает, что это ворожея помогла; но не надолго хватает терпенья у пьяницы, после этого он еще больше кутит. Тогда жены говорили: „Разе наших пьяниц исправишь“. Пьяные мужья иногда так надоедали женам, что они рады бывали даже смерти мужа. При страдании мужа от вина, жена говорила: „Издыхай, черт с тобой, такая тебе и дорога; измучилась я с тобой, и дети пострадали от тебя“. А все-же, как ни ругается и ни обижается жена, а при самых трудных минутах пожалет мужа и побежит к доктору за помощью.

Были и жены, которые не прочь выпить вместе с мужем, почему и можно было слышать такую песенку:

По улице, шатаясь,	Пойдем-мы с тобой в кабак
Шел Демьян.	И выпьем много браги*.
Немножко пьян.	А Демьян ей в ответ:
Навстречу ему	«Лучше было-бы купить детям
Добрая его жена.	Кафтан, кафтан*.
Тоже пьяна-пьяна.	„Нет, лучше нам на эти деньги
„Послушай, Демьян,	Идти в кабак, в кабак
Ты совсем не очень пьян,	И напиться браги»...

Нередко приходилось слышать: „Сапожник пьяница, а не вор“, слышал и обратное. „Какая может быть у сапожника совесть? Сапожник—безбожник у Христа подметку украл“. Сапожники и сами в этом отшучиваются, ссылаясь на толстомордого: „Вон у нас рыло,—просил у бога рожи, а оттянул одну“. И признаются, что у сапожника сначала была совесть, а потом он ее пропил.

Как бы ни необходим был сапожник, но многие считали унижением быть знакомыми с грязным опорышником, и не только сторонились и избегали с ним знакомства, но неохотно сдавали ему квартиру и даже совсем отказывали в ней. Придет сапожник смотреть квартиру, сговорится в цене и в других условиях, а его спросят: „Чем вы занимаетесь?“—«Сапожник». „Ой, не надо, не надо, у нас собака есть“. Не пускали сапожника из-за стука, потому что он встает „чем свет“ и беспокоит соседей, и не только молотком, но и песенками. Некоторые брезгуют даже запахом сапожника. Войдет сапожник в какой-нибудь дом и сейчас же говорят ему: „Фу-ты, как воняет“. Сапожник такую встречу отмечает песенкой:

«Худая жизнь сапожников:	Того гляди, што выгонят
Куда бы ни пришел,	И вытолкают вон»...

Сапожников называют «поганым рылом». На этот счет существует такой анекдот: «В Костроме на Молочной Горе покупает барин у продавщицы молока, она отказывает ему: «Нет, это молоко тебе не продам, я лучше продам сапожнику». „Это почему, сапожнику, продашь, а мне нет?“ «А потому, что в молоко мышь попала, так тебе-то оно не погодится, а сапожник все выпьет, все проглотит, у него рыло-то погано, он зубами кожу тянет, а губами подметки лижет*. Многие считают сапожника поганей скотины: „Дело было зимой*—рассказывали мне,— „вел мужик поить лошадь, подводит он ее к проруби, а девченка увидала и кричит: „Дядюшко, не пой лошадь-то—тут сапожник пил*».

Холостых сапожников „кичились“ самые простые девушки и не приглашали на беседы. Случалось, что вечером потанцует сапожник с барышней, а на другой день она узнает, что он сапожник, и отворачивается от него. Поэтому в некоторых местах молодые сапожники стеснялись называть свою профессию и при входе в их дом посторонних, старались не показываться на глаза в рабочем фартуке.

Не легко было сапожнику жениться,—не охотно шли за него замуж, считая позором и даже наказанием быть женой сапожника. Непослушных дочерей родители пугали выдчей замуж за сапожника и даже выдавали их за „провинность“ (за потерю невинности), как на мученье. В Костроме существует такой анекдот: „Матка и батька везли топить дочку, встретился им один человек и спрашивает: „Куда это дочь-то везете?“ „Хотим утопить“. „Да вы отдайте за сапожника, сама утопится“.

Про одного сапожника рассказывали мне, что он чуть не два десятка об'ехал невест и насилиу нашел себе жену. Но зато в городских сапожников влюблялись фабричные девушки, кухарки, прачки и горничные со своего и соседнего двора. Сватали их сапожники через „товарок“, дворников и их жен.

Сапожники иногда утешали себя такой сказочкой. „К одной барышне—невесте сватались три жениха: портной, кузнец и сапожник. Она захотела проверить, чья жизнь лучше и чье ремесло искусней. Пришла к портному, посмотрела, как портной работает, и убедилась, что у портного работа совсем простая, только сверху поддевает и все. Пошла к кузнецу. Кузнец ударяет раз по железу, да два по наковальне. „А этот совсем слепой,“—говорит она. „Раз ударит по делу да два зря“. Приходит она к сапожнику, а сапожник вокурат в это время задник строчит. Одна рука в сапоге, а другая наруже. Она и думает: „Как это он попадает в дырочку? Это настоящий святой человек“. И вышла за него замуж.

Влюблялись сапожники в хозяйских дочерей и даже в самих хозяек, но эта любовь кончалась выгонкой сапожника из мастерской.

Бывали случаи, когда хозяева предлагали и выдавали своих дочерей за сапожников, рассчитывая на их помощь в хозяйстве, хотя и знали, что он пьяница но полагали, что „женится-переменится“. И действительно, через это некоторые сапожники делались сами хозяевами и жили хорошо. Но иной хозяйской дочке не радостно приходилось жить за сапожником. Как только выпьет он, так и начнет шуметь и возмущаться нечестно нажитым добром; на что ни взглянет, все швыряет, бьет и рвет. „Часы это тестевы“?—бац их об пол. „Рубашка шерстяная не моя“? Рвет ее на ленточки. Посуду бьет, жену колотит, выгоняет ее вон. И кричит: „Проживу тестево проклятое, наживу свое святое. Я плохо одет, но за то душа чистая!“ Уходит от жены в другие места, поживет у какого-нибудь хозяина немного, приоденется, а хозяин узнает, что он женат, семейный и спровадит его домой чуть не багажом.

Рассказывают такую быль: «Влюбилась в сапожника одна девица, дочь зажиточного крестьянина, имевшего двух-этажный дом в восемь окон по лицу. Сапожник узнал это и просит своего хозяина посватать ее за него. Хозяин отговаривается: «Да не пойдет она за тебя». А всетаки послал свах. Первый раз отказали. А невеста ревет, хочется ей за сапожника. Родители не захотели обижать ее и порешили выдать. Обвенчали и сыграли свадьбу на свой счет. Сапожник был фартовый, но не имел не только дома и хозяйства, а даже собственного пальта, и венчался в чужой одеже. После свадьбы не стали давать ему пальто, а дело было зимой. Он и не стал ходить к жене ночевать. Она

соскушнулась, приходит к нему в мастерскую и спрашивает: «Ваня, почему ты, не ходишь домой?» Да всё некогда, работать нужно». «Да полно, утром пораньше встанешь и уйдешь». Он тут-то и признался ей: «Мне не в чем ходить». Она сбегала к отцу, взяла пальто, а потом тесть нарядил его и подписал ему полдома».

Сапожники, желая отвыкнуть от пьянства, старались подыскать себе хорошую жену, не избалованную жизнью. В 1913—14 г. г. в Костроме один сапожник, горчайший пьяница познакомился в гостях у своих знакомых с монашенкой и женился на ней. Много было разговора среди женщин: «Ну и монашенка,—молилась, молилась, да и вымолила». Немного он пожил с ней трезвенником, опять стал изрядно выпивать.

Недоброе отношение людей к сапожникам печалило их. Они, отчаиваясь, тяжело вздыхали и говорили: «сидишь, сидишь в грязной душной мастерской, работаешь, работаешь и все ничего нет, кроме десяти мозолей на правой руке да болезни: головы, груди, ног, геморою от усидчивой работы и туберкулеза» с горя и раздумья заевали песенку:

Сидишь, точаешь, режешь, шьешь;
Глядишь, идет к поправке дело,
Сам в рот росинки не берешь,
Покуда сердце не скипело.
А закипит, так где-ж тоску размыкать
В жизни шлюдиимой?
Одна дорожка бедняку—кабак.
Кабак для нас.—что дом родимый:
Зашел, хлебнул, еще,
Рукой с души тоску кручину снял.
Корпеть дни ночи в мастерской
Другой найдется.

Довольно, братцы, нам довольно,
Не век, сугорбившись, сидеть.

Корпеть за верстаком.

Колодки в печку побросаем,
Мы шилья, форштыки сломаем,
Липки выбросим во двор,

Пойдем-те, братцы, в чисто поле
И разыщем дремучий лес,

Лес, лес, лес.

В лесу мы выкопаем землянку

И будем зиму зимовать.

Кочевать, горевать, горевать.

И все убытки и добычи

Делить мы будем пополам

Промеж собою.

Увидим мы вдали красотку,

За ней мы тяжко ¹⁾ побежим,
попешим.

Ухватим мы ее за глотку—

Давай без милости ее душить,
душить.

Старик нам дряхлый попадетсЯ,—

Довольно пожил на веку своем.

У старых денежки ведутся—

Валяй пулю в лоб старику дураку.

Но если юноша-малютка попадетсЯ,

О нем совсем другая будет

речь, речь, речь.

С нево довольно и приклада,

А заряд нам надо для взрослых

поберечь, поберечь.

¹⁾ Быстро.

И после таких песен и раздумий запивали и кутили.

Случалось, что сапожники портились и из-за жен. Попадет жена нехозяйственная, мучится, мучится он с ней и запьет с досады и горя.

Многие сапожники сами плевали на сапожное дело и отговаривали других: «Ты што, хочешь учиться в сапожники? Нет, брат, брось, не стоит, лучше и не губи себя. Ты знаешь, што сапожника считают хуже кухарки, все его презирают, даже и свой брат». Некоторые из них пугали своих детей, ленившихся учиться в школе: «Ничего не остается делать с баловником, как только посадить на липку, на липку, на липку, больше никаких, лучше будет». Уходили сапожники на фабрики, в дворники, церковные сторожа, в разные учреждения, зажигали баканы на Волге и приучались к другим занятиям. Так распозлались и рассыпались большие мастерские, и уменьшалось число сапожников.

Сапожники, живущие около речек, а тем более приволжские, очень любят рыбку половить на удочку, сетями и другими рыболовными принадлежностями. В прежнее время на ловлю собирались партиями, захватывали с собой чаю, вина и разной закуски и так, бывало, напьются, что сами плавают, как рыба. Иного сапожника летом не заставишь шить обувь, так как он с утра до вечера, а то и ночь сидит на берегу реки на камушке или на плотках, преспокойно поуживает и нередко сидит совсем попусту, а чтобы избавиться комаров и не соскучиться, разведет костер, вскипятит чаю, попьет его, подзакусит, а когда начнет сон одолевать, направляется домой. Зимой глушат рыбу колотушкой «крозь» лед.

Есть сапожники любители пошататься по лесам за грибами. В лес уходят иногда с вечера или рано утром. Любят поохотиться на зверей и птиц, но недостаток средств не дает им возможности быть охотниками. «Палкой не убьешь, а ружье-то купить не на што».

До Русско-Германской войны невозможно было сапожникам «сесть в свою мастерскую», обзавестись своей мастерской с полным обеспечением работой, так как хозяева имели постоянных давнишних заказчиков, которые к новичкам относились с большим недоверием. «Кто он такой, как ише сошьет, а к этому-то мы привыкли и знаем его несколько годов».

С Русско-Германской войны 1914 года положение сапожников стало улучшаться, тогда закрылись казенки, и многие сапожники протрезвились; были случаи, некоторые потравились денатуратом и другими зловредными напитками. В то время многие из них шли самостоятельно на армию через Кустарный Отдел Губернского Земства из готового материала и стали вырывать из цепких рук хозяев, начали организоваться в трудовые артели. При организации сапожников в артели, хозяева всячески отговаривали их, запугивали: «это чу! ловушка» и даже подговаривали людей поколотить зачинщиков. «Меня в лесу подстерегали, но панихиду-то позабыли заказать, поэтому я и остался жив»—сообщил мне сапожник Корцевской артели.

При артели устраивались общие мастерские, но скоро нарушались, „лад не брал“. „Нельзя было придти позней, явись в срок, уйти безовремя не дозволялось, а дома-то кода хочу, тогда и работаю“—говорят сапожники.

Не все артели организовались сознанием общественной пользы, некоторые сапожники организовались под влиянием личной выгоды, «чтобы освободиться от мобилизации и гужевой повинности, а не будешь работать в артели, живо соймут с учета».

В 1917 году артели объединились в Губернский Центральный Союз сапожных артелей, и сапожники постепенно привыкали к общественной жизни. Приезжали они в Союз на лошадях и по железной дороге за кожаным материалом, привозили готовую обувь, посылали на губернские съезды «делегатов», приучались к слушанию докладов, к высказыванию своих мыслей и нужд, шумели и кричали, в особенности при обсуждении вопросов о прибавке за работу.

Союз сапожных артелей, объединяющий 61 артель 1990 членами, до 1921 года работал успешно. Около союза (на Русиной ул.) ежедневно можно было видеть толпу сапожников, пришедших из ближайших мест и приехавших из отдаленных за товаром и с готовой обувью, слышать их крик, ругань, смех и остроты.

Кроме забот о сапожном промысле, Союз стремился и к культурной работе: состоял членом бывш. Костромского Губернского О-ва Народных Университетов, из прибылей отчислял в Костромское Научное О-во, на Кооперативный Институт и на другие культурно-просветительные цели. Но как только кончился спрос на казенную обувь, Союз захирел. Надеясь оздоровить сапожное дело, он преобразовался в Губернский Союз Кустарных артелей, но и этот Союз постигла неудача, в июне 1923 года его ликвидировали, а сапожные артели, не обеспеченные кожаным материалом, рынком сбыта и боясь непосильных налогов, перестали существовать. Теперь сапожники работают, «кто куда» — на вольный рынок, а большинство опять попало в лапы хозяйчиков.

В 1916 году в Костроме была устроена механическая фабрика обуви Губернским Земством, а в 1917 году в Галиче такая же фабрика была организована Акционерным Обществом. Потом эти фабрики перешли в ведение Губкожтреста. В первое время сапожники на фабрики шли неохотно, — не хотелось им лишиться домашнего окошечка и своей воли, и приходилось привлекать их путем мобилизации, а потом хорошая оплата труда и защита Профсоюза Кожевенников заинтересовала сапожников как городских, так и ближайших селений, и они охотно идут на фабрику. Из-за недостатка средств и рынка сбыта Галичская фабрика прекратила свое существование, а Костромская работает с перерывами ¹⁾.

Несмотря на тяжелые условия работы и на занятия с утра до ночи, веяния новой жизни не могли не коснуться и сапожников. Еще до 1905 года в Костроме несколько сапожников работали в политических кружках, а в 1905 году некоторые из них познакомились с нагайкой, побывали в тюрьме и ссылке.

Понемногу среди сапожников начиналось неудовольствие властью. В Костроме один хозяин Н., отказывался шить обувь губернатору, жандармам и полиции. «Не буду шить этим чертям, аспидам, кровопивцам». Сидел он за это в участке, а все-таки сдерживал свое слово.

¹⁾ Жизни союза сапожных артелей, фабрик обуви и Профсоюза кожевенников будет посвящен особый очерк.

